ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. Шарлеманъ

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1898.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.

ВОСПОМИНАНІЯ

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(1854 — 1860 гг.)

Въ майской книгѣ „Вѣстника Европы“, за 1893 г., въ статьѣ: „Наканунѣ реформъ“, я нашла, что кромѣ признанія интереса историческаго и литературнаго достоинства, заключавшагося въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ Ив. С. Аксакова,—въ этой статьѣ высказывалось и желаніе узнать болѣе про то интересное, а для насъ, жившихъ тогда, ужасное и тяжелое время. Это дало мнѣ мысль напечатать мои записки съ 1854-го по 1860-ый годъ.

Въ ноябрѣ 1854 г., великая княгиня Елена Павловна устроила Крестовоздвиженскую общину; я въ нее поступила; тогда это казалось очень ново, и многіе были противъ этого. Сестры поѣхали прямо въ Севастополь, и тамъ Николай Ивановичъ Пироговъ былъ нашимъ главнымъ начальникомъ и руководителемъ.

Были мы при 1-мъ перевязочномъ пунктѣ, на южной сторонѣ Севастополя. Мы ее оставили только уже тогда, когда Малаховъ курганъ былъ занятъ непріятелемъ, такъ что все это происходило на нашихъ глазахъ. Когда же пришлось намъ переѣхать въ Симферополь, я, по желанію Николая Ивановича Пирогова, четыре раза провожала транспортъ раненыхъ и больныхъ. Боже, что̀ это было за трудное и мучительное время! Въ февралѣ умерла наша сестра-настоятельница Екатерина Александровна Хитрово, и великая княгиня назначила меня сестрой-

настоятельницей. Я, побывавъ въ Петербургѣ, опять вернулась въ Крымъ и ѣздила по всѣмъ госпиталямъ, гдѣ служили наши сестры въ десяти городахъ. Когда же въ концѣ 1856 года военно-временные госпитали были закрыты, мы всѣ съѣхались въ Петербургъ; тутъ великая княгиня занялась устройствомъ постоянной общины въ Петербургѣ, и тогда я переписывалась съ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ; его письма помѣщены въ моихъ запискахъ. Для той же цѣли я ѣздила въ Берлинъ и Парижъ, чтобы видѣть устройство тамошнихъ общинъ. Записки мои кончаются въ половинѣ 1860 г., когда я оставила общину.

I.

Я не начну своихъ воспоминаній, какъ могъ это дѣлать талантливый авторъ писемъ изъ эпохи крымской войны, И. С. Аксаковъ,—съ самыхъ первыхъ дней моей молодости: она прошла такъ, какъ въ то старое время проходила жизнь дѣвушекъ нашего званія, т.-е. въ выѣздахъ, занятіяхъ музыкой, рисованіемъ, домашними спектаклями, балами, на которыхъ я, должна признаться, танцовала съ удовольствіемъ, и, можетъ быть, вполнѣ заслужила бы отъ нынѣшнихъ дѣвицъ, посѣщающихъ лекціи и анатомическіе театры, названіе „кисейной барышни“. Но тогда мы всѣ были такія, и мое желаніе поступить въ сестры милосердія встрѣтило сильную оппозицію родныхъ и знакомыхъ.

Теперь это совсѣмъ не то, и въ послѣднюю кампанію въ сестры Краснаго Креста шло очень много, можно почти сказать, что это было модой, и онѣ шли на извѣстное, а тогда...

Вотъ съ этого-то времени я и начну мои воспоминанія.

Въ 1854 году мы съ сестрей были въ деревнѣ у нашей хорошей знакомой, Варвары Петровны Писемской, во владимірской губерніи.

Никогда не забуду я того вечера, когда мы получили газеты съ извѣстіемъ, что французы и англичане высадились въ Крыму. Я не могла себѣ представить, что этотъ красивый уголокъ нашего обширнаго отечества можетъ сдѣлаться театромъ жестокой войны (1849 и лѣто 1850 года мы провели въ Крыму, такъ какъ сестрѣ были предписаны морскія купанья. Какъ хорошо и спокойно тамъ было!).

А чрезъ нѣсколько дней опять извѣстіе объ альминскомъ сраженіи!

Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы вернулись въ Москву. Съ какимъ

нетерпѣніемъ мы хватались тогда за газеты; и вотъ, прочитала я, что французскія сестры поѣхали въ военные госпитали; потомъ въ англійскіе госпитали поѣхала миссъ Нейтингаль съ дамами и сестрами. А что-жъ мы то? Неужели у насъ ничего не будетъ? Эта мысль не оставляла меня. На мое счастіе, сестра, съ которой я была очень дружна, раздѣляла мои мысли и согласилась отпустить меня, если и у насъ тоже будутъ посылать. Мы поѣхали къ кн. Софьѣ Степановнѣ Щербатовой, у которой мы были помощницами по попечительству о бѣдныхъ, узнать, неужели ничего не будетъ у насъ. Она сказала: „Говорятъ, что въ Петербургѣ что-то готовится", и совѣтовала подождать княгиню Анну Матвѣевну Голицыну, которая въ это время была въ Петербургѣ. Я всякій день посылала узнать, пріѣхала ли Annette, но дни проходили, а ея все не было.

Но вдругъ я получила записку отъ Софьи Степановны (я ее и теперь помню). Она звала пріѣхать къ ней и писала: „J'ai ce qu'il vous faut".

Когда мы къ ней пріѣхали, она разсказала, что великая княгиня Елена Павловна устроила Крестовоздвиженскую общину, что первый отрядъ собрался, что онѣ на дняхъ проѣдутъ черезъ Москву, и что будутъ посылать еще. Я рѣшилась ждать ихъ и сейчасъ къ нимъ поѣхать, увидаться и все разспросить; а пока я все-таки хотѣла испытать себя и поѣхала къ знакомому мнѣ доктору, ординатору въ полицейской больницѣ, которую графъ Закревскій называлъ „самой гнусной" изъ всѣхъ московскихъ.

Я пріѣхала на визитацію и просила его показать мнѣ всѣхъ перевязочныхъ и потомъ позволить мнѣ пріѣхать провести цѣлыя сутки безвыходно въ госпиталѣ. Онъ удивился, взглянулъ на меня, а я ему сказала: „Павелъ Яковлевичъ, я собираюсь ѣхать въ Севастополь".

— Ну, что-жъ, съ Богомъ! Вы выдержите.

Итакъ, сбудется мое сердечное желаніе чуть не съ самаго дѣтства,—я буду сестрой милосердія!

Первый отрядъ сестеръ проѣхалъ. Я была у нихъ (не помню, гдѣ онѣ останавливались); ихъ было 30; можетъ быть, нѣсколько и больше. Все мнѣ у нихъ понравилось, и онѣ тоже всѣ понравились. Чтобы ѣхать далѣе изъ Москвы, для нихъ были приготовлены хорошіе тарантасы; ихъ провожалъ чиновникъ. Я провела съ ними часа два. Какъ я завидовала, что онѣ уже ѣдутъ! Онѣ мнѣ сказали, что и второй отрядъ уже готовъ и скоро поѣдетъ, но будутъ посылать еще.

На другой же день я написала въ Петербургъ къ гр. Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой, чтобы она сообщила кому слѣдуетъ, что я желаю поступить въ сестры, и съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта, а между тѣмъ провела сутки безвыходно въ больницѣ, видѣла много перевязокъ и очень была довольна тѣмъ, что все это перенесла очень спокойно и безъ утомленія.

Но какъ было горько и досадно, когда въ отвѣтъ на мое письмо я получила такой отвѣтъ: „Теперь собираютъ петербургскихъ, а когда будутъ вызывать изъ Москвы, тогда и васъ позовутъ“.

На это я написала, что меня очень удивляетъ такое раздѣленіе, и что когда дочь Бакунина, который былъ губернаторомъ въ Петербургѣ, и внука адмирала Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова желаетъ ходить за матросами, то странно, кажется, отказывать ей въ этомъ. На это мнѣ отвѣчали, что въ первый отрядъ, который соберется, и я попаду.

Но что̀ было ужасно при всѣхъ этихъ проволочкахъ—что всякій день приходилось слушать возраженія на мое рѣшеніе. То пріѣдетъ Иванъ Васильевичъ Капнистъ, нашъ родственникъ,—онъ былъ тогда губернаторомъ въ Москвѣ, мы съ нимъ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ,—и начинаетъ онъ очень серьезно говорить, что пріѣхалъ уговорить меня не поступать такъ опрометчиво и не брать на себя такихъ тяжелыхъ обязанностей. То пріѣдутъ двоюродныя сестры, которыя цѣлый вечеръ болтали о томъ, какъ это хорошо, и что надо служить больнымъ. Я молчала, потому что серьезно думала объ этомъ; но когда я сказала, что поѣду, то онѣ же были противъ меня.

Алексѣй Бакунинъ, который имѣлъ знакомыхъ въ Симферополѣ, привезъ мнѣ письмо, которое получилъ оттуда; въ немъ были описаны всѣ ужасы послѣ альминскаго сраженія и страшное накопленіе госпиталей и тифозными, и ранеными. Но этотъ меня зналъ и не спорилъ, а, прочитавъ письмо, сказалъ: „Вѣдь я тебя знаю,—тебѣ теперь еще больше захотѣлось туда ѣхать“.

Но всего больше меня смущалъ и мучилъ братъ (онъ военный, былъ въ кампаніи 1828 и 29 годовъ); онъ все говорилъ, что это вздоръ, самообольщеніе, что мы не принесемъ никакой пользы, а только будемъ тяжелой и никому ненужной обузой.

Нынѣшнія сестры Краснаго Креста ничего этого уже не испытали.

Наконецъ, я получила приглашеніе явиться въ Петербургъ, но и на дорогѣ еще меня уговаривали вернуться. Тогда поѣзда встрѣчались въ Бологовомъ; я вышла на вокзалъ и тамъ встрѣ-

тила Капниста, брата губернатора, который сталъ серьезно меня уговаривать не продолжать моего пути, а вернуться съ нимъ въ Москву... Но, наконецъ, я—въ Петербургѣ. Написала записочку къ баронессѣ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ. Какой-то будетъ отвѣтъ?

Утромъ я получила записку отъ Эдиты Ѳедоровны. Она приглашала меня пріѣхать къ ней, чтобы идти вмѣстѣ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Всѣмъ давно было извѣстно, что великая княгиня—очень образованная и умная женщина, но я не ожидала, что при этомъ она такъ мила и привлекательна. Съ какимъ чувствомъ, съ какимъ жаромъ и участіемъ она относилась къ начатому ею дѣлу! Я была ею очарована. Она сказала мнѣ, что приглашаетъ меня переѣхать во дворецъ. Я отвѣчала, что пріѣхала съ сестрой, при которой есть еще горничная. Она мнѣ отвѣтила, смѣясь: „Est-ce que vous croyez qu'il n'y aura pas de place chez moi aussi pour elle“? [1])

Итакъ, было рѣшено, что мы сейчасъ же переѣдемъ во дворецъ, а обѣдать будемъ съ фрейлинами.

Отрядъ готовился небольшой; кромѣ меня, должны были ѣхать семь сестеръ, три доктора и два фельдшера; но не все еще было готово, а въ это время мы должны были ѣздить въ клинику, т.-е. во второй сухопутный госпиталь, и заняться перевязками подъ руководствомъ доктора Чартораева, и тоже продежурить тамъ сутки. Я очень скоро туда поѣхала на дежурство, тамъ встрѣтилась и познакомилась съ сестрами, которыя тоже собирались ѣхать. Не помню, кто изъ нихъ былъ тогда со мной, и много ли ихъ было, но очень помню, какъ мы проходили всю ночь по этимъ длиннымъ неопрятнымъ корридорамъ. Этотъ госпиталь былъ тогда въ ужасномъ видѣ.

Въ одномъ только случаѣ мнѣ пришлось сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы не поддаться страху. Незадолго до этого времени какой-то шальной волкъ (тогда говорили, что онъ бѣшеный) забѣжалъ въ Петербургъ и сильно искусалъ одну женщину. Она лежала въ клиникѣ совершенно особенно. Мы отворили къ ней дверь, и она стала насъ звать подойти къ ней. Вотъ тогда-то мнѣ стоило большого усилія подойти и поговорить съ ней, но я не хотѣла тогда позволить себѣ ни малѣйшей слабости, да и противъ больной было совѣстно показать, что я ея боюсь...

Когда я вернулась съ дежурства, напилась кофе и собира-

---

[1]) Развѣ вы думаете, что у меня не хватитъ мѣста и для нея?

лась отдыхать, кто-то постучался въ дверь, которая вела во внутреннія комнаты дворца. Надо признаться, что я встала и съ нѣкоторой досадой пошла открывать дверь; вдругъ вижу—предо мной стоитъ великая княгиня. Она вошла, сѣла и съ большимъ участіемъ принялась меня разспрашивать, какъ я провела ночь? какое дѣйствіе это дежурство произвело на меня? Говорила, что я должна подумать; что тамъ будетъ гораздо хуже и труднѣе. Не сомнѣваюсь ли я въ себѣ? Если же я раскаялась, то „il ne faut pas persévérer par fausse honte“ [1]). Все это было сказано съ такой добротой, съ такимъ сердечнымъ участіемъ!.. Но я ей отвѣчала, что, напротивъ того, я на себя надѣюсь и все больше и больше желаю ѣхать.

Пока мы готовились къ отъѣзду, я почти всякій день видѣла великую княгиню. Такъ живо вспоминается мнѣ, какъ мы съ ней сидѣли на тюкахъ въ театрѣ Михайловскаго дворца, который весь представлялъ какой-то складочный магазинъ. Сама великая княгиня все придумывала, о всемъ сама хлопотала. Одно меня очень смущало: на тюкахъ, которые готовились для насъ, писалось: „въ Херсонъ“ и „въ Николаевъ“, а мнѣ такъ хотѣлось въ Крымъ, въ Севастополь!

Помню тоже очень, какъ мы всѣ восемь и, кажется, еще нѣсколько готовившихся поступить въ сестры были въ клиникѣ на операціи, и великая княгиня была тутъ же съ нами во все время операціи, которая длилась очень долго; ее дѣлалъ Немертъ (резекція tibia).

Я еще ѣздила раза два на перевязки утренней визитаціи. Помню, что много было гангренозныхъ. Это было хорошее приготовленіе для Севастополя. Знаю, что нѣкоторые доктора надо мной смѣялись, говорили: „Что̀ это за сестра милосердія, которая ѣздитъ на перевязки въ каретѣ“! Но я такъ боялась простудиться и быть вынужденной остаться, что я очень берегла себя. И, слава Богу, я не была хуже другихъ и готовилась очень серьезно къ принятію давно желаемаго званія сестры милосердія, говѣла и причастилась.

И вотъ наступило 10-ое декабря. Мы всѣ восемь, уже одѣтыя въ коричневыя платья, бѣлые передники и бѣлые чепчики, пошли къ обѣднѣ въ верхнюю церковь дворца. Великая княгиня была тамъ; еще были разныя дамы и тоже мои родственники: сестра моя, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка съ женой и другіе.

Послѣ обѣдни священникъ громко прочелъ наше клятвенное

---

[1]) Не надо упорствовать изъ-за ложнаго стыда.

обѣщаніе передъ аналоемъ, на которомъ лежали евангеліе и крестъ, и мы стали подходить и цѣловать слова Спасителя и крестъ, а потомъ становились на колѣни передъ священникомъ; и онъ надѣвалъ на насъ золотой крестъ на голубой лентѣ. Эта минута никогда не выйдетъ изъ моей памяти!..

Но и тутъ я имѣла маленькое смущеніе: когда я отошла къ стоящимъ, Ѳеофилъ Толстой, остановя меня, сказалъ: „Qu'avez-vous fait, ma cousine"! [1]) Но уже это было послѣднее сопротивленіе, и затѣмъ всѣ признали un fait accompli [2]). На другой день мы выѣхали въ Москву.

Странно было пріѣхать въ Москву, въ свой родной городъ, и поѣхать не въ домъ, гдѣ мы жили вмѣстѣ съ братомъ, а поѣхать вмѣстѣ съ сестрами въ клинику на Рождественку, гдѣ для насъ было приготовлено помѣщеніе. Мы остались нѣсколько дней въ Москвѣ; экипажи не были готовы. Мы ходили въ клинику, учились бинтовать на фантошѣ. Я помню, что ѣздила только, какъ настоящая москвичка, помолиться въ часовнѣ Иверской Божіей Матери и со всѣми сестрами принять благословеніе митрополита Филарета; да еще была у старой тетушки. А то родные и знакомые пріѣзжали ко мнѣ въ клинику, а двѣ мои сестры даже ночевали со мной въ общей нашей комнатѣ. Странное это было для меня время—точно во снѣ!

Наконецъ, 15-го декабря, мы пустились въ путь; въ двухъ тарантасахъ ѣхали мы, сестры, въ третьемъ—доктора̀, и еще перекладная для клади и фельдшеровъ. И всегда некрасивые и тяжелые четырехмѣстные тарантасы были еще неуклюжѣе, поставленные на полозья и съ привязанными тутъ же колесами. Я не стану подробно разсказывать этого длиннаго путешествія, но разскажу изъ него нѣкоторые эпизоды. И для тѣхъ, которые ѣздятъ или, правильнѣе сказать, которыхъ возятъ нѣсколько вродѣ клади по желѣзнымъ дорогамъ, этотъ разсказъ покажется изъ „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма".

20-го декабря, мы съ трудомъ дотащились до Бѣлгорода и тутъ должны были остаться почти весь день. Надо было бросить полозья и ѣхать на колесахъ. Дорога ужасная! Еще въ нашихъ тарантасахъ мы ѣхали немного скорѣе, но несчастныя сердобольныя, которыхъ везли въ огромныхъ мальпостахъ, ужасно бѣдствовали; экипажи у нихъ безпрестанно вязли и ломались. Въ Бѣлгородѣ насъ повезли прямо въ домъ купца, гдѣ намъ былъ

---

[1]) Что̀ вы сдѣлали, кузина!

[2]) Совершившійся фактъ.

приготовленъ обѣдъ; а я могла исполнить свое желаніе ѣхать поклониться св. Іосафу. Потомъ насъ еще повезли въ женскій монастырь; тамъ чудотворный образъ Корсунской Божьей Матери.

До Харькова мы доѣхали скоро; тамъ была дневка, и мы обѣдали у генералъ-губернатора Кокошкина, гдѣ насъ очень любезно приняли.

Мы надѣялись теперь безпрепятственно продолжать нашъ путь. Но увы! Когда 24-го декабря, почти у Екатеринослава, мы подъѣхали къ Днѣпру, намъ объявили, что насъ перевезутъ, но экипажей нельзя перевезти, паро̀мъ не ходитъ, что слишкомъ большія закраины и много льда. Нечего дѣлать. Мы взяли самыя нужныя вещи, подушки и отправились по льду до *дуба* (такъ называются здѣсь большія лодки съ палубой); часто ледъ насъ затиралъ, и тогда всѣ находящіеся на лодкѣ раскачивали ее съ протяжнымъ крикомъ: „Качай дуба! Качай дуба"!

Наконецъ, мы стали приставать къ ледянымъ закраинамъ другого берега, но нѣсколько разъ онъ оказывался слишкомъ тонкимъ и ломался подъ досками, которыя на него бросали. Наконецъ удалось намъ перебраться на берегъ и достигнуть Екатеринослава, кто на дрожкахъ, кто на перекладной, а кто и пѣшкомъ. Наши экипажи не скоро переправились, и намъ пришлось остаться нѣсколько дней. Какъ я рада была, когда мы опять поѣхали! Но вотъ что̀ было ужасно: несмотря на то, что мы ѣхали съ подорожной по казенной надобности, намъ запрягали по три пары воловъ нѣсколько станцій сряду. Этотъ постоянно медленный воловій шагъ выводилъ меня совершенно изъ терпѣнія. Еще помню, какъ мы, 30-го декабря, совсѣмъ сбились съ дороги; ночь была непроглядная, лошади останавливались; дождь, вѣтеръ, и въ перспективѣ—провести ночь въ степи. Еще такъ, на авось, мы подвинулись, не зная куда. И вдругъ увидали огни и кое-какъ до нихъ доѣхали. Это оказалась Новая Грушевка, имѣніе барона Штиглица, гдѣ управляющій и его семейство встрѣтили насъ очень радушно. Надо было имѣть въ перспективѣ провести ночь въ завязнувшихъ тарантасахъ, въ непроглядной тьмѣ, чтобы оцѣнить вполнѣ свѣтлыя, теплыя комнаты, кипящій самоваръ и сонъ на постланныхъ постеляхъ! Тутъ мы остались ночевать и уже на волахъ пустились утромъ далѣе, чтобы ѣхать день и ночь.

Но когда мы пріѣхали въ Нововоронцовку, то нашъ погонщикъ намъ объявилъ, что онъ насъ не „свалитъ" на станціи, а онъ знаетъ, куда насъ „свалить", и свалилъ онъ насъ передъ хорошимъ домикомъ. Это распорядился полковникъ Солн-

цевъ, управляющій имѣніемъ графа Воронцова, и намъ былъ сдѣланъ самый милый пріемъ.

Полночь на 1-ое января 1855 г. пробило, когда мы сидѣли за столомъ, поздравляли другъ друга и отъ всей души желали всего хорошаго. Грустно и тяжело было встрѣтить новый годъ совсѣмъ съ чужими, а все-таки надо было стараться быть повеселѣе.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы пустились въ путь; намъ заложили двѣ пары воловъ. Ихъ оказалось мало, припрягли еще двѣ пары, и вотъ восемь воловъ съ трудомъ насъ тащатъ по три версты въ часъ. Это нестерпимо! Только послѣднія двѣ станціи намъ дали лошадей, и мы скоро доѣхали до Берислава.

Въ Бериславѣ мы должны были найти письмо отъ Николая Ивановича Пирогова съ распоряженіемъ его—куда намъ ѣхать. Письмо это и было оставлено, но сестры второго отдѣленія взяли его и распорядились по немъ, т.-е. нѣкоторыя изъ нихъ поѣхали въ Херсонъ, а другія въ Симферополь; тутъ эти двѣ дороги расходятся.

Изъ трехъ докторовъ, которые ѣхали съ нами, двое посылались тоже великой княгиней на перевязочный пунктъ, а третій, докторъ Василій Ивановичъ Тарасовъ, былъ назначенъ докторомъ нашей общины и долженъ былъ всѣмъ распоряжаться. Онъ и написалъ Николаю Ивановичу и послалъ эстафетъ (тогда еще не было телеграфа). Я должна признаться, что меня очень обрадовало то, что уже другія отправились въ Херсонъ,—авось мы попадемъ въ Севастополь. Но намъ пришлось ждать отвѣта нѣсколько дней. Здѣсь можно было уже чувствовать, что мы подвигаемся къ мѣсту, гдѣ война, слышать разсказы, какъ мы бѣжали изъ Евпаторіи, и иногда смѣшные разсказы; напримѣръ, какъ наши бѣжали подъ Перекопомъ, воображая, что за ними гонится непріятель, а за ними гнались казаки, чтобы ихъ остановить... Мы пробыли въ Бериславѣ и крещенскій сочельникъ, а въ Крещеніе ходили на іордань на Днѣпръ. Очень было красиво: высокая гора, на которой стоитъ городъ, была вся покрыта народомъ. Черезъ нѣсколько дней полученъ былъ отвѣтъ: ѣхать въ Симферополь. И вотъ, то на волахъ, то на парѣ верблюдовъ (эти по крайней мѣрѣ идутъ скорѣе, по семи верстъ въ часъ) мы добрались до Симферополя.

Пріѣхали прямо въ домъ, гдѣ жили сестры перваго отдѣленія. Впечатлѣніе было очень грустное. Онѣ со всѣмъ рвеніемъ и усердіемъ принялись за дѣло; симферопольскіе госпитали были переполнены ранеными и особливо тифозными, и сами сестры стали

очень скоро заболѣвать. Когда я пріѣхала, то уже четыре сестры умерли; иныя поправлялись, а другія еще были очень больны, и сама старшая этого отдѣленія, она же и начальница всей общины, Александра Петровна Стаховичъ, лежала еще въ постели.

Я знала Симферополь прежде. Мы тутъ провели зиму 1850 года, когда пріѣзжали съ сестрой, но этотъ мирный, тихій городокъ былъ неузнаваемъ. Мы тогда хорошо тутъ жили. У меня были и знакомые, и первый добрѣйшій и милѣйшій Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ. Я сейчасъ пошла къ нему, и тутъ же, для увеличенія грустнаго впечатлѣнія, узнала о смерти дяди. На другой день я отыскала въ госпиталѣ своего давнишняго и хорошаго московскаго знакомаго, Александра Михайловича Дмитріева. Онъ раненъ; но ему лучше. Онъ очень удивился и обрадовался, увидавъ меня.

Не вдругъ мы узнали окончательное распоряженіе насчетъ сестеръ; но, наконецъ, было рѣшено, что всѣ сестры будутъ въ Севастополѣ. Уже 16 сестеръ второго отдѣленія тамъ, на южной сторонѣ, т.-е. именно въ Севастополѣ, а сестры перваго отдѣленія тоже туда поѣдутъ, какъ только поправятся. Сестры, что̀ пріѣхали со мной, тоже должны туда ѣхать. Сестра-начальница сначала пожелала, чтобы я осталась тутъ заняться ихъ домашними дѣлами. Я скрѣпя сердце согласилась, но мои сестры подняли плачъ и приходили въ ужасъ, какъ имъ ѣхать безъ меня; а такъ какъ Александра Петровна Стаховичъ стала чувствовать себя крѣпче, то и рѣшила, что я могу уѣхать.

И вотъ, мы стали собираться. Надо было и то, и другое приготовить и взять съ собой. При первомъ отдѣленіи находился чиновникъ Филипповъ, такой мѣшкотный; онъ меня нѣсколько разъ выводилъ изъ терпѣнія съ укладкой разныхъ мелочей, и продержалъ насъ такъ, что мы выѣхали поздно и только доѣхали до Бахчисарая. Тутъ дорога была хороша, а тамъ, что̀ ближе къ Севастополю, то хуже. Мы не рѣшились ѣхать дальше, а ночевать тутъ же.

Приходила ко мнѣ сестра Лоде; онѣ уже недѣли три при бахчисарайскомъ госпиталѣ. Она мнѣ очень понравилась; жаль, если мы не будемъ съ ней вмѣстѣ.

Утромъ на измученныхъ лошадяхъ и по ужасной дорогѣ подвигались мы къ Севастополю. Хорошо еще, что въ моемъ тарантасѣ было заложено пять лошадей; и вотъ, когда какой-нибудь тарантасъ завязнетъ, ихъ туда вели и пристегивали. Можно легко себѣ представить, какъ наше путешествіе совершалось медленно; но погода была великолѣпная, легкій морозъ, воздухъ

чистый и свѣжій, и мѣстами такъ сухо, что мы могли идти пѣшкомъ.

Въ пять часовъ мы были на Сѣверной, и долго не знали, гдѣ намъ пріютиться. Наконецъ, Тарасовъ отыскалъ смотрителя морского госпиталя, и тотъ далъ намъ комнату, всю заваленную разными тюками, на которыхъ мы и расположились, а его жена и теща пришли насъ напоить чаемъ. Онѣ здѣсь тоже на бивуакахъ: ихъ госпиталь совсѣмъ разрушенъ бомбами, и они сюда перешли на четвертый день бомбардировки, но никого изъ всего госпиталя не только не убило, но и не ранило.

Боже! какъ я была глупа, слушая пальбу! Мнѣ надо было себѣ говорить, что это стрѣляетъ въ насъ непріятель, а то такъ и кажется—на Ходынкѣ ученье.

19-ое января мы провели дома, только выходили полюбоваться черезъ бухту на Севастополь. Какъ онъ красивъ! Смотрѣли на вражескій флотъ, который очень гордо красуется на горизонтѣ, —а нашъ!...

На другой день ѣздила съ сестрой Алекс. Иван. Травиной познакомиться съ сестрами. Ихъ старшая сестра Меркулова очень пріятной наружности, и очень мнѣ понравилась. Ходили въ госпиталь, гдѣ занимаются сестры. Но нашъ докторъ никакъ не хочетъ, чтобъ мы, не отдохнувъ хорошенько, поступили въ госпитали. Итакъ, мы опять вернулись на Сѣверную.

Наконецъ, 21-го января, мы пошли въ бараки. Очень мы всѣ были рады приняться за дѣло. Но странно, дико все это казалось: и доктора̀ незнакомые, и все такое чуждое. Какой-то французъ съ радостью закричалъ: „Ah, la soeur“! и еще болѣе обрадовался, когда я съ нимъ заговорила. Но не долго мы тутъ оставались. Пріѣхалъ Николай Ивановичъ и сказалъ, что лучше и намъ тоже переѣхать на ту сторону, т.-е. именно въ Севастополь, чему мы очень обрадовались. Прошло дня три, покуда намъ приготовили квартиру. Доктора тутъ же съ нами помѣстились.

Какъ мнѣ живо вспоминаются эти двѣ маленькія комнатки и звуки органа (въ этомъ домѣ помѣщалась католическая церковь). Но мы недолго оставались тутъ, а перешли въ тотъ же домъ, гдѣ помѣщалась Меркулова съ сестрами. Мы очень желали, т.-е. я и она, соединиться совершенно; я ей даже предлагала, такъ какъ ея сестеръ было гораздо больше, быть старшей надъ всѣми, но она этого не захотѣла, и было положено, que nous ferons ménage commun [1]), и дежурство тоже. Но ни

[1]) Будемъ вести хозяйство сообща.

ея, ни мои сестры не были этимъ довольны. Мы надѣялись, что это потомъ обойдется. Оно и обошлось.

Николай Ивановичъ Пироговъ былъ неутомимъ и всѣмъ распоряжался; онъ нашелъ, что въ собраніи, гдѣ былъ первый перевязочный пунктъ, необходимо провѣтрить, такъ какъ тамъ постоянно стала появляться рожа. Онъ велѣлъ раненыхъ, которые были покрѣпче, отправить на Сѣверную въ бараки, а прочихъ перевели въ Николаевскую батарею, въ которой и прежде уже лежали больные, т.-е. раненые. Двѣ или три сестры второго отдѣленія жили тамъ; другія изъ того же отдѣленія приходили туда дежурить. И я, и мои сестры, сначала тоже туда ходили на дежурство. Перевязочный пунктъ открыли въ такъ называемомъ Инженерномъ домѣ. Это были на дворѣ небольшіе домики, такъ что постоянно изъ одного помѣщенія въ другое надо было ходить по двору.

Живо мнѣ вспоминается, какъ, бывало, идешь по двору, вдругъ что-то блеснетъ: тепло, несмотря на февраль,—такъ и кажется, что это зарница, но раздавшійся гулъ вамъ тяжело напомнитъ про бомбы.

При перевязочномъ пунктѣ должна была жить сестра Травина, для завѣдыванія хозяйствомъ, аптекой и порядкомъ. Еще мы заняли небольшой домъ,—тамъ тоже должна была жить одна сестра.

Четвертое помѣщеніе—домъ Гущина de funeste mémoire, на дверяхъ котораго, какъ мы говорили, должна была быть та же надпись, что̀ на дверяхъ ада у Данте: „Lasciate ogni speranza, voi chi'ntrate“ [1]). Тутъ тоже жили двѣ сестры второго отдѣленія, а мы, прочія сестры, дежурили по суткамъ то въ томъ, то въ другомъ домѣ. Я больше дежурила на перевязочномъ пунктѣ. Сначала все это было странно, чудно̀, но въ это время раненыхъ не было такъ много; иногда трехъ человѣкъ вдругъ принесутъ, иногда сами приходятъ. Но что̀ дальше, то больше, и часто отъ 16-ти до 20-ти. Тутъ же, тотчасъ, и начинаются операціи: ампутаціи, резекціи, трепанаціи. Большею частью все дѣлалъ самъ Николай Ивановичъ. Докторовъ очень много всѣхъ націй, даже американцевъ. Всѣ они очень учтивы, даже черезчуръ. Говорятъ: „Ayez la bonté de faire ceci ou cela,—ayez la complaisance de donner toutes les deux heures cette médecine“ [2]). И русскіе доктора очень внимательны и учтивы.

---

[1]) Оставьте надежду всѣ входящіе.

[2]) Будьте добры сдѣлать то, или это; сдѣлайте одолженіе, давайте черезъ два часа это лекарство.

Я не хочу въ подробности описывать всѣ эти страданія, всѣ эти операціи, мученія, крики; да это, несмотря на ужасы, по самому своему продолженію становилось монотонно, и продолжалось не день, не три, не недѣлю, не мѣсяцъ,—а мѣсяцы!

Когда мы пріѣхали, Севастополь былъ еще очень красивъ. И улица, гдѣ мы жили, площадь, гдѣ была лавка со всякимъ товаромъ и даже много посуды, стекла, и Екатерининская улица,—все было совершенно нетронуто. Какъ-то разъ я ходила покупать разныя мелочи, и забывала, что мы окружены огненнымъ кольцомъ непріятельскихъ батарей. Вотъ тутъ ко мнѣ подошелъ докторъ Ребергъ; онъ ѣхалъ съ нами изъ Петербурга и сказалъ мнѣ, что сейчасъ ходилъ гулять на наши бастіоны. Только-что онъ отъ меня отошелъ, какъ ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ, спрашивая меня довольно грозно:

— Кто съ вами говорилъ?

Я отвѣчаю:—Докторъ. Онъ мнѣ говоритъ:—Берегитесь, это дѣло серьезное; онъ, кажется, шпіонъ.

Тогда я ему сказала, что онъ можетъ идти на перевязочный пунктъ, гдѣ этотъ докторъ постоянно работаетъ. Слово *шпіонъ* здѣсь возбуждало всегда страшное волненіе.

Очень было тяжело ходить по Севастополю и встрѣчать отряды, которые идутъ на батареи. Они идутъ бойко, весело, но за ними три или четыре человѣка несутъ носилки. Сердце такъ и сожмется, и подумаешь: „Для котораго это изъ нихъ"? Или встрѣтишь четырехъ человѣкъ, которые несутъ носилки; на иныхъ нѣтъ ни движенья, ни звука, а съ другихъ раздается еще стонъ,—и подумаешь: „Право, лучше тому, для котораго уже все кончилось! А этому еще сколько придется выдержать и, можетъ быть, для такого же конца"!—А съ какимъ терпѣніемъ наши солдаты переносили свои страданія! Сколько разъ я слышала эти слова: „Господь за насъ страдалъ, и мы должны страдать"!

Несмотря на то, что на южной сторонѣ не оставляли больныхъ, и мы ходили только за ранеными, но въ одинъ день семь сестеръ слегли въ тифѣ, а потомъ такъ и продолжалось: то двѣ, то одна занемогаютъ, и доктора тоже стали болѣть, такъ что уходъ за ранеными и за больными сестрами сталъ очень затруднителенъ. Хорошо, что въ это время А. П. Стаховичъ со своимъ отдѣленіемъ пріѣхала. Она съ большимъ числомъ сестеръ осталась на Сѣверной, гдѣ уже тогда было много больныхъ, а къ намъ отдѣлили нѣкоторыхъ.

Не могу вспомнить, въ какое время,—въ началѣ ли марта, или позднѣе,—пріѣхало еще отдѣленіе сестеръ изъ Петербурга.

Ихъ помѣстили на Павловскій мысокъ, но, сколько мнѣ помнится, послѣ 26-го мая и потери трехъ редутовъ, Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго, ихъ перевели въ морской госпиталь, который былъ въ Михайловской батареѣ.

Начиная писать эти воспоминанія, я не думала придерживаться хронологическаго порядка, но скоро увидала, что это необходимо: безъ этого нельзя сдѣлать яснымъ, какъ постепенно положеніе наше все ухудшалось и ухудшалось.

Не помню въ точности, какого именно числа февраля я дежурила на Николаевской батареѣ; рано утромъ у одного раненаго сдѣлалось сильное кровотеченіе, и врачъ послалъ позвать доктора А. Л. Обермиллера. Помочь раненому было невозможно,— кровотеченіе было изъ сонной артеріи, но тутъ же Обермиллеръ сказалъ доктору, по-латыни, что государь Николай Павловичъ умеръ! Для насъ это было совершенно неожиданно; мы слышали только, что великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, которые жили болѣе мѣсяца въ Севастополѣ и часто посѣщали на южной сторонѣ наши госпитали, вдругъ уѣхали, но мы всѣ рѣшили, что это вѣрно для императрицы. А между тѣмъ, тутъ же было велѣно всѣмъ идти въ соборъ для присяги. А я, глядя на нашего скончавшагося солдатика, мысленно повторяла слова послѣдней погребальной пѣсни: *Къ судіи бо отхожу, идеже нѣсть лицепріятія: раби и владыки вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатъ и убогъ въ равномъ достоинствѣ, кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится...*

И мы въ эти дни похоронили одну изъ сестеръ. Здѣшній священникъ Петропавловской церкви, отецъ Арсеній Лебединцевъ, который къ намъ часто ходилъ и котораго мы всѣ полюбили, отпѣвалъ ее, также и монахъ Веніаминъ, который еще изъ Петербурга пріѣхалъ съ общиной и оставался съ сестрами на Сѣверной. Стаховичъ съ сестрами тоже пріѣхала проводить. Грустны и торжественны были эти проводы! Надо было черезъ бухту ѣхать на Сѣверную,—на Южной уже никого не хоронили. И вотъ, при звонѣ колоколовъ, при пѣніи „Святый Боже", которому постоянно вторила пальба, съ развѣвающимися хоругвями, при чудной погодѣ, мы пошли на Графскую пристань, и на катерѣ, съ гробомъ и духовенствомъ, переѣхали бухту. Никогда не забуду я этого дня!

Въ началѣ марта, послѣ одной ночи, въ которую была сильная бомбардировка, утромъ, докторъ Тарасовъ прислалъ мнѣ сказать, что необходимо послать сестеръ въ домъ Собранія, такъ какъ тамъ много раненыхъ, а тѣ маленькіе домики, въ кото-

рыхъ былъ нашъ перевязочный пунктъ, недостаточны для такого числа.

Взявъ съ собой одну сестру, я пошла въ домъ Собранія. Это прекрасное строеніе, гдѣ прежде веселились, открыло вновь свои богатыя, краснаго дерева, съ бронзою, двери, для внесенія въ нихъ окровавленныхъ носилокъ. Большая зала изъ бѣлаго мрамора, съ пилястрами изъ розоваго мрамора черезъ два этажа, а окна—только вверху. Паркетные полы. А теперь въ этой танцовальной залѣ стоитъ до ста кроватей съ сѣрыми одѣялами и зеленые столики; все очень чисто и опрятно. Въ одну сторону большая комната; это—операціонная, прежде бывшая билліардной; за ней еще двѣ комнаты; въ другую сторону еще двѣ комнаты, съ прекрасными, съ золотомъ обоями, и въ нихъ тоже койки. Утромъ было 11 ампутацій, и потомъ еще нѣсколько, въ продолженіе дня. Сначала не обошлось безъ суеты и лишней бѣготни, пока устроились въ новомъ помѣщеніи. Вечеромъ Тарасовъ объявилъ намъ, что князь Васильчиковъ велѣлъ сказать, что ночью будетъ дѣло, и чтобы все было наготовѣ и исправно.

И вотъ собрались доктора, и, разумѣется, первымъ явился неутомимо работающій, живой, одушевленный и возбуждающій и въ другихъ одушевленіе и ревность къ труду, Николай Ивановичъ Пироговъ. Ясно помню и другихъ докторовъ, постоянно находившихся на перевязочномъ пунктѣ; а именно: нашъ общинный врачъ В. И. Тарасовъ, Ребергъ, Дмитріевъ. Эти трое пріѣхали вмѣстѣ со мною; но Дмитріевъ скоро занемогъ тифомъ, и такъ пострадалъ, что принужденъ былъ уѣхать. Съ Николаемъ Ивановичемъ, который, какъ мнѣ помнится, пріѣхалъ еще въ ноябрѣ, пріѣхали Обермиллеръ, Каде и Калашниковъ; этотъ послѣдній всегда былъ при Гущиномъ домѣ. Были еще присланные великой княгиней Еленой Павловной, Бенерсъ, Пабо, Хлѣбниковъ, Тюринъ. Изъ полковыхъ докторовъ былъ постоянно при перевязочномъ пунктѣ Иванъ Михайловичъ Добровъ, да еще два, какъ служащіе при госпиталѣ, а не какъ хирурги, Рождественскій и Ульрихсонъ.

Въ этотъ вечеръ собралось восемь докторовъ и восемь фельдшеровъ, да ко мнѣ пришли двѣ сестры; мы всѣ приготовляли, рѣзали, катали бинты. Наша дежурная комната была въ дамской уборной. Тамъ жила постоянно одна сестра, которая завѣдывала хозяйствомъ, имѣла чай, сахаръ, водку для больныхъ. У насъ почти постоянно кипѣлъ самоваръ, такъ какъ часто надо было поить раненыхъ чаемъ съ виномъ или водкой, чтобы под-

нять пульсъ, прежде чѣмъ хлороформировать. А какъ ужасно, когда по слабости раненаго операцію дѣлали безъ хлороформа: что за страшные были тогда крики!

И въ этотъ вечеръ у насъ въ большой залѣ все приготовлено: стаканы, водка, самоваръ кипитъ. Въ операціонной, вокругъ Николая Ивановича, сидятъ доктора. Въ одиннадцатомъ часу начала раздаваться пальба, и тотчасъ же стали раскрываться настежь наши парадныя двери: то двое, то трое носилокъ сряду; то два человѣка ведутъ подъ руки раненаго. Доктора ихъ осматриваютъ, при затруднительныхъ случаяхъ зовутъ другъ друга на совѣщаніе, раздаются слова: „Этого на Николаевскую батарею“! (значитъ, легко раненъ) „Этого въ Гущинъ домъ“! (Значитъ, безъ всякой надежды). „Этого оставить здѣсь“! (Значитъ, будетъ ампутація, экзартикуляція или резекція).

Ночь началась очень страшно, но, слава Богу, всего было только 50 раненыхъ и 4 ампутаціи.

Съ 10-го на 11-е марта у насъ произошла большая тревога. Я только-что собралась уйти въ пустую комнату отдохнуть, какъ вдругъ слышу—пальба все сильнѣе и сильнѣе; я вышла на крыльцо съ дежурнымъ докторомъ. Мы смотрѣли и слушали, различая, когда стрѣляютъ наши, когда—непріятели. Меня этому еще прежде солдаты научили. Точно былъ фейерверкъ: такъ и сверкали выстрѣлы, освѣщая окрестныя строенія. Все пришло въ движеніе; забили тревогу; какъ будто и на насъ повѣяло войной: то пройдетъ толпа, то слышенъ говоръ, то между двумя выстрѣлами раздается хохотъ и очень дико звучитъ между свистомъ ядеръ и бомбъ. Прискакалъ къ намъ Обермиллеръ и объявилъ, что сейчасъ явятся всѣ доктора. Я послала за сестрами. На горѣ зажгло домъ ракетой, и пожаръ какъ-то грозно освѣщалъ Севастополь. Но у насъ раненыхъ было немного,—ихъ носили на третій перевязочный пунктъ. Утромъ наши доктора поѣхали туда и перевезли до ста раненыхъ, а болѣе 50-ти осталось у насъ. Съ 7-ми часовъ вечера до 11-ти продолжались операціи, а на другой день—съ 10-ти час. до 2-хъ.

Я знаю, что доктора и даже сестры, при позднѣйшей, болѣе консервативной хирургіи, поразились бы, еслибъ я подробнѣе стала описывать то множество ампутацій, которыя дѣлались у насъ всякій день; но пусть они вспомнятъ, что всѣ ранены были ядрами и осколками бомбъ, и поэтому, кромѣ ранъ, былъ всегда и ушибъ; къ этому еще—скученье раненыхъ, дурныя условія и зараженный воздухъ. Мы и доктора не ходили за больными, а почти всѣ получили тифъ; солдаты были утомлены, и часто послѣ

операціи, при первой перевязкѣ, оказывалась гангрена: резекціи шли неудачно; ампутаціи ногъ кончались хуже, чѣмъ рукъ. Руки лучше заживали и скорѣй, когда ампутація была выше локтя, а ноги— напротивъ того; и ампутаціи бедра, особливо въ верхней трети, всегда почти имѣли печальный исходъ. Но что̀ было ужасно, это когда одному человѣку дѣлали ампутацію двухъ членовъ заразъ, и однако были такіе молодцы, что и это выдерживали. Я видывала ихъ у насъ на перевязочномъ пунктѣ, видѣла ихъ потомъ въ симферопольскихъ и екатеринославскихъ госпиталяхъ. Было также очень тяжело, именно у насъ на перевязочномъ, когда, послѣ того какъ больной подавалъ надежды на выздоровленіе, онъ вдругъ начинаетъ лихорадить, пожелтѣетъ, и докторъ говоритъ, что надо его отправить въ Гущинъ домъ—для больного это все равно, что смертный приговоръ. А нечего дѣлать, вполнѣ сознаешь, что нельзя только-что принесеннымъ раненымъ быть въ соприкосновеніи съ такимъ больнымъ и видѣть умирающаго. На перевязочномъ пунктѣ не должны умирать.

Въ Гущиномъ домѣ, куда я ходила, постоянно увидишь трехъ или четырехъ умирающихъ; всякое утро, если погода была теплая, всѣхъ больныхъ на койкахъ выносили на дворъ, а если придешь черезъ полчаса какъ они внесены, то уже духъ былъ невыносимый, несмотря на цѣлыя вёдра ждановской жидкости. Однако и въ этомъ ужасномъ мѣстѣ были такіе, которые выздоравливали. Я сама имѣла удовольствіе отдать одному обратно его деньги, которыя онъ мнѣ поручилъ переслать женѣ послѣ его смерти.

Въ этомъ госпиталѣ были постоянно двѣ сестры, Григорьева и Голубцова, и это былъ великій подвигъ: такъ тамъ было безотрадно. Бѣдная Голубцова много вытерпѣла: во-первыхъ, ихъ экипажъ опрокинулся и у нея были сломаны два ребра; потомъ у нея былъ тифъ, нѣсколько дней она была совершенно безъ сознанія, и наконецъ, когда лѣтомъ было не мало случаевъ холеры, она была при этомъ госпиталѣ и умерла холерой.

Въ продолженіе марта иныя сестры выздоравливали, другія занемогали, одна еще умерла.

Пасха въ 1855 году была ранняя, 27-го марта. Въ вербное воскресенье я тоже слегла въ тифѣ, на страстной недѣлѣ причастилась запасными дарами, и хотя была въ памяти и даже всякій день одѣвалась, но дальше кровати не могла идти. Грустно было такъ проводить страстную недѣлю и встрѣтить Христово Воскресеніе не въ церкви, которую не смѣли иллюминовать снаружи, чтобы не сдѣлать цѣлью для выстрѣловъ,—а на постели.

А еще было грустнѣе, когда въ понедѣльникъ утромъ началась страшная бомбардировка. Вас. Ив. Тарасовъ пришелъ тотчасъ ко мнѣ и потребовалъ, чтобы я сейчасъ же переѣхала на Николаевскую батарею. Но пришелъ Яни, офицеръ, который намъ доставлялъ все, что̀ нужно по хозяйству, дровъ или воды. Я у него спросила:—Можно здѣсь остаться?—Онъ отвѣчалъ:—Очень можно!

И я опять спокойно легла и слушала пальбу, но грозная записка отъ Тарасова и экипажъ отъ Николая Ивановича заставили меня послушаться; отправивъ прежде сестеръ, я тоже, подъ тихимъ весеннимъ дождемъ, при неумолкаемой пальбѣ, переѣхала на Николаевскую.

Кстати, постараюсь описать это странное строеніе, отъ котораго послѣ не осталось камня на камнѣ. Кто его видѣлъ, тотъ самъ вспомнитъ, а я боюсь, что не съумѣю описать подробно для другихъ.

Это—длинное, огромное строеніе, которое служило и казармой, и батареей. Во всю длину его тянулась длинная—не знаю, какъ и назвать—галерея, не галерея, а скорѣе длинный коридоръ; по сторонамъ—ниши, даже можно назвать почти комнаты, но только ничѣмъ онѣ не отдѣлены отъ прохода, довольно просторны, такъ что въ нихъ стояло шесть и восемь кроватей или только нары. Тутъ большія окошки, но въ нихъ не очень свѣтло, такъ какъ вдоль всего строенія, по внутренней его сторонѣ, что̀ къ городу, идетъ наружная крытая галерея. Съ другой стороны, которая обращена къ морю, углубленія или ниши, только гораздо меньше, что̀ нужно для пушки, и маленькія окна или, лучше сказать, амбразуры. Въ иныхъ еще въ это время стояли пушки и даже люди бывали на-готовѣ. Все строеніе въ два этажа, длинныя галереи перебиваются сѣнями, и лѣстница внизъ. На одномъ концѣ—хорошія комнаты, гдѣ помѣщался главный штабъ и жилъ графъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ, а на другомъ концѣ, что̀ къ Графской пристани—пороховой погребъ. Все строеніе казематировано, и намъ отвели казематъ довольно просторный, отдѣленный отъ другихъ, но сырой и темный, такъ какъ онъ былъ обращенъ къ морю, а маленькое окошечко служило только амбразурой для пушки.

Была у насъ желѣзная печка, и тутъ мы и пекли, и варили, и устроились, точно цыгане: кастрюли, горшки, все въ одной комнатѣ. Наша дверь прямо открывалась на ту длинную галерею, какую я сейчасъ описала. Всѣ койки были заняты фрактуристами (fractura complicata); у многихъ дѣлается ган-

грена, духъ ужасный, а ихъ стоны такъ и слышны, когда все умолкаетъ и ляжешь спать.

И несмотря на все это, я очень скоро поправилась и могла, сначала по крайней мѣрѣ, ходить по нашимъ палатамъ.

Во всякомъ длинномъ корридорѣ по срединѣ висѣли образа и передъ ними теплилась лампадка. И вотъ вечеромъ всякій, кто только могъ вставать, приходилъ помолиться передъ этими образами. Какъ теперь вижу, какъ тѣ, которые лишались правой руки, сейчасъ же начинали креститься лѣвой.

Скоро я могла идти хоть днемъ на перевязочный пунктъ. Въ эти дни площадь, между Николаевской и Собраніемъ, бывала наполнена солдатами; они тутъ и ночуютъ, и обѣдаютъ, одни уходятъ, другіе приходятъ. Трудно было по ночамъ и проходить въ Собраніе. Усиленная бомбардировка продолжалась до 10-го апрѣля, когда въ однѣ сутки случилось 238 человѣкъ раненыхъ, а 11-го—только 28 человѣкъ. Потомъ иные дни было потише, потомъ опять сильнѣе.

Какъ я была рада, когда съ 11-го апрѣля я могла опять черезъ день дежурить по цѣлымъ суткамъ! Солдаты насъ очень любятъ и рады, когда мы къ нимъ приходимъ; для нихъ было большое утѣшеніе, когда къ нимъ заходили женщины. Была у насъ одна старушка, которой еще 10-го марта въ ея домѣ осколкомъ бомбы раздробило бедро. Я ее уговорила на ампутацію, и несмотря на худыя условія (она лежала вмѣстѣ съ мужчинами) и на то, что разъ въ этой комнатѣ разбило окно осколкомъ, и что ей было 60 лѣтъ,—она выздоровѣла! Но чтò было ужасно —это видѣть раненыхъ дѣтей, какъ они, бѣдняжки, мучаются и страдаютъ. Былъ у насъ мальчикъ семи лѣтъ съ перебитой ножкой; была даже грудная дѣвочка, которой мать была убита въ то время, какъ она ее кормила. Дочь моей старушки тоже кормила своего ребенка, и взялась кормить и нашу раненую малютку, но ребенокъ скоро умеръ. Господи, какъ все это было ужасно и тяжело!...

Въ домѣ же Собранія, въ одной комнатѣ, бывшей прежде нарядной гостиной, лежали у насъ и оперированные офицеры. А то былъ еще особый офицерскій госпиталь въ такъ называемомъ Екатерининскомъ дворцѣ; но это не только не дворецъ, но и домъ-то небольшой и довольно низкій; онъ былъ близко къ Графской пристани. Его тоже и слѣда не осталось.

Въ этой больницѣ завѣдывала хозяйствомъ и ухаживала за тяжело ранеными сестра Александра Ивановна Травина, нашего третьяго отряда.

Во время этой сильной и продолжительной бомбардировки, по случаю болѣзни сестеръ, къ намъ пріѣхало много сестеръ изъ перваго и даже четвертаго отряда. Онѣ и остались у насъ, такъ что персоналъ сестеръ нѣсколько измѣнился. Иныхъ перевела Стаховичъ, по разстройству ихъ нервъ, другихъ—послѣ разныхъ глупыхъ сплетней. Да и при громѣ пушекъ и блескѣ ракетъ онѣ все-таки потихоньку шептались. Не стану о нихъ и вспоминать, только разскажу, до какого абсурда все это доходило. Меня, напримѣръ, приходили предостерегать, что одна сестра изъ маленькаго окошка на море подаетъ разные сигналы непріятельскимъ кораблямъ, или что другая сестра, купаясь въ морѣ, говорила, что она уплыветъ къ французамъ!

Положа руку на сердце, и передъ Богомъ, и передъ людьми, твердо могу сказать, что всѣ сестры были истинно полезны, разумѣется, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ. Во-первыхъ, денежнаго интереса не могло и быть, такъ какъ сестры Крестовоздвиженской общины были всѣмъ обезпечены, но жалованья не получали. Были между нами и совсѣмъ простыя и безграмотныя, и полувоспитанныя, и очень хорошо воспитанныя. Я думаю, что были такія, которыя до поступленія никогда и не слыхали, что̀ есть и чѣмъ должны быть сестры милосердія, но всѣ знали и помнили слова Спасителя: „Егда сотвористе единому изъ сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“. И всѣ трудились, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Но однако разныя сплетни и распоряженія, которыя я находила ненужными и несправедливыми, довели меня до того, что я отказалась быть старшей сестрой, а только исполняла обязанности сестры при нашихъ раненыхъ, чему я была очень рада: не надо было хлопотать о сестрахъ, заниматься хозяйствомъ, писать отчеты.

Когда мы уѣзжали, великая княгиня просила часто писать въ Петербургъ; но чтобъ облегчить корреспонденцію, которая была бы очень затруднительна и оффиціальна, если писать прямо на имя ея высочества,—намъ было разрѣшено писать къ m-me Шабель или къ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ, а все это будетъ читаться великой княгиней. Я писала къ Раденъ, и по необходимости должна была написать и обо всѣхъ этихъ неурядицахъ, и о томъ, что я остаюсь не старшей, а младшей сестрой на Южной сторонѣ. Что̀ писали другія въ это время—я не знаю, но, думаю, было много сплетенъ и разныхъ пустяковъ. Жаль, если всѣ эти письма хранятся въ архивѣ общины; ихъ не стоитъ беречь. Надо сохранять только то, что̀ касается чести и той великой помощи, которую, благодаря неутомимымъ попеченіямъ и живому

и благотворному участію великой княгини Елены Павловны, принесла община въ это грустное время.

Кстати о письмахъ. Великая княгиня распорядилась напечатать въ „Морскомъ Сборникѣ" отрывки изъ писемъ сестеръ; когда я вдругъ прочитала выписку изъ своего письма къ сестрѣ, то мнѣ даже было непріятно и неловко, особенно когда доктора стали смѣяться и приступать, что вотъ какъ я описываю именно нашъ перевязочный пунктъ.

Были у меня въ Севастополѣ и старые знакомые. Во-первыхъ, двоюродный братъ, Александръ Бакунинъ, пришелъ съ тобольскимъ полкомъ, въ которомъ онъ служилъ юнкеромъ, послѣ того что былъ профессоромъ въ Одессѣ. Еще мичманъ Творогòвъ, который мальчикомъ жилъ у насъ въ Москвѣ; старшій комендантъ Кизмеръ, графъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ, оба старинные знакомые нашего дома.

Если и пріятно было видѣть Александра Бакунина, то и тяжело было провожать его, и слѣдить глазами, какъ онъ идетъ по Екатеринославской улицѣ на четвертый бастіонъ, и видѣть, какъ въ этомъ направленіи на чистомъ голубомъ небѣ появляются маленькія бѣленькія облачка, и знать, что это лопаются бомбы. Но, слава Богу, оставаясь до послѣдняго дня, онъ не былъ раненъ.

Мы почти весь апрѣль оставались на Николаевской батареѣ; я только иногда ходила отдыхать на нашу квартиру. Въ половинѣ или концѣ апрѣля къ намъ пріѣхала, какъ старшая, сестра Лоде.

И у насъ все пошло по старому. Раненыхъ—то больше, то меньше. Утромъ операціи, перевязка. Съ 19-го на 20-е апрѣля ночь была ужасная: болѣе ста раненыхъ и 60-ти операцій въ одно утро! Къ нашимъ постояннымъ трудамъ прибавились новыя хлопоты: всѣмъ ампутированнымъ стали раздавать деньги; у кого нѣтъ ноги, тому 50 руб., у кого нѣтъ руки—40 руб., а у которыхъ нѣтъ двухъ членовъ, то 75 руб. Наши раненые, разумѣется, сейчасъ же просятъ насъ взять деньги на сохраненіе. Но, принявъ, надо все записать аккуратно: имя, полкъ, родину, родныхъ. Суммы соберутся большія. Вотъ у меня въ одинъ день собралось до двухъ тысячъ серебромъ, и какъ страшно было ихъ беречь; вѣдь мы не имѣли ни комодовъ, ни сундуковъ. А было еще хлопотливѣе то, что больной вдругъ проситъ дать ему рубль или даже 50 коп., а размѣнять 50-ти-рублевую бумажку въ Севастополѣ было очень трудно. Потомъ еще, при отправленіи больныхъ въ другіе госпитали, надо отыскать всякаго,

отъ кого взялъ на сбереженіе деньги, и отдать ему. Въ началѣ мая у насъ именно отправляли больныхъ на Сѣверную, такъ что у насъ на перевязочномъ пунктѣ въ Собраніи осталось только 16 человѣкъ, а на Николаевской батареѣ, гдѣ бывало болѣе 1.000—только 47. И какъ было грустно, что всѣхъ моихъ знакомыхъ увезли!

Въ это время я часто ходила на нашу квартиру въ домѣ генерала Павловскаго; мы были хорошо знакомы съ его дочерью и воспитанницей. Съ ними въ катерѣ генерала мы ѣздили купаться на Хрустальныя воды, какъ называется это мѣсто въ Артиллерійской бухтѣ. И я думаю, что это купанье насъ много подкрѣпляло и спасало. Но съ конца іюня пришлось отъ этого отказаться, такъ какъ мы разъ, придя садиться въ лодку, увидали въ ней штуцерную пулю.

Помню также, какъ разъ мы шли отъ купанья, и вдругъ раздался громкій гулъ отъ пролетѣвшаго ядра. Одна сестра сѣла на земь и открыла для защиты надъ собой зонтикъ, такъ что мы всѣ расхохотались.

Еще живо помню я, какъ разъ шла изъ дому въ Собраніе; встрѣчались мнѣ то солдаты, идущіе на работу,—они идутъ бодро и весело, а за ними неизбѣжныя и, къ несчастью, необходимыя носилки; то огромныя фурштадтскія телѣги на тройкахъ съ турами; то четыре человѣка несутъ больного на зеленой кровати. Боже мой! Какъ грустно! Это изъ собранія—въ Гущинъ домъ. Но вотъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу высокій мужчина съ краснымъ воротникомъ, военный—ихъ такъ много. И вдругъ я слышу возгласъ:—Екатерина Михайловна, такъ это вы! Покуда я васъ не увидалъ, мнѣ все не вѣрилось, что это точно вы сюда пріѣхали.—И Николай Васильевичъ Бергъ стоитъ передо мной, и его голосъ, такъ звучно оглашавшій стихами наши бутырскія рощи, въ одну минуту перенесъ меня отъ настоящаго военнаго въ прошлое мирное и тихое время. Онъ и потомъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ. Онъ, кажется, служилъ у князя Горчакова и жилъ на Сѣверной.

Я должна нѣсколько подробнѣе описать ужасную ночь съ 10-го на 11-е мая. Но я чувствую, что мнѣ теперь такъ живо этого не описать, какъ я описывала сестрѣ моей въ письмѣ отъ 13-го мая. Пропускаю всѣ возгласы, которые тогда такъ и лились съ пера, и привожу прямо описаніе:

„Съ понедѣльника на вторникъ наши выходили рыть новыя траншеи,—кажется, между пятымъ и шестымъ бастіономъ,—и устроивать батареи подъ прикрытіемъ войска. Мы были наготовѣ всю

ночь, но ночь прошла благополучно, и во вторникъ днемъ все было тихо и спокойно. Вечеромъ опять ждутъ и все необходимое готовятъ въ нашей бѣлой мраморной съ розовыми пилястрами залѣ. Тюфяки уже безъ кроватей, а лежатъ на полу въ нѣсколько рядовъ; нѣсколько столиковъ съ бумагой, а на одномъ—примочки, груды корпіи, бинты, компрессы, нарѣзанныя стеариновыя свѣчи. Въ одномъ углу большой самоваръ, который кипитъ и долженъ кипѣть во всю ночь, и два столика съ чашками и чайниками. Въ другомъ углу столъ съ водкой, виномъ, кислымъ питьемъ, стаканами и рюмками. Все это еще въ полумракѣ, въ какой-то странной тишинѣ, какъ передъ грозой; въ залѣ 15-ть, а можетъ быть и болѣе докторовъ; иные сидятъ въ операціонной комнатѣ, другіе попарно ходятъ по залѣ. Офицеръ и смотритель торопливымъ шагомъ входятъ и выходятъ, распоряжаясь, чтобы было больше фельдшеровъ, больше рабочихъ.

„А когда посмотришь въ дверь или въ рядъ высокихъ оконъ по обѣимъ сторонамъ нашей залы, то ночь такая свѣтлая, тихая, тонкій серпъ луны блеститъ такъ ярко, звѣзды такія ясныя!.. Но вотъ въ десятомъ часу точно молнія блеснула, и раздался трескъ, даже стекла задребезжали въ рамахъ. И блеститъ все чаще и чаще... Нельзя разслышать отдѣльныхъ ударовъ, но все сливается въ одинъ гулъ. Это пальба на 5-мъ и 6-мъ бастіонахъ, тамъ, гдѣ работаютъ новыя батареи. Въ городъ бомбы не долетаютъ.

„Мы сидимъ и слушаемъ все въ томъ же полумракѣ. Такъ проходитъ около часа... Вносятъ носилки, другія, третьи. Свѣчи зажглись. Люди забѣгали, засуетились, и скоро вся эта большая зала наполнилась народомъ, весь полъ покрылся ранеными; вездѣ, гдѣ только можно сѣсть, сидятъ тѣ, которые притащились коекакъ сами. Что̀ за крикъ, что̀ за шумъ! просто адъ!

„Пальба не слышна за этимъ гамомъ и стонами. Одинъ кричитъ безъ словъ, другой: „Ратуйте, братцы, ратуйте“! Одинъ, увидя штофъ водки, съ какимъ-то отчаяніемъ кричитъ: „Будь мать родная, дай водки“!

„Во всѣхъ углахъ слышны возгласы къ докторамъ, которые осматриваютъ раны: „Помилуйте, ваше благородіе, не мучьте“!.. И я сама, насилу пробираясь между носилокъ, кричу: „Сюда рабочихъ“! Этого надо отнести въ Гущинъ домъ, этого—въ Николаевскую батарею, а этого—положить на койку. Много приносятъ офицеровъ; вся операціонная комната наполнена ранеными, но теперь не до операцій: дай Богъ только всѣхъ перевязать. И мы всѣхъ перевязываемъ.

Принесли офицера; все лицо облито кровью. Я его обмываю, а онъ достаетъ деньги, чтобы дать солдатамъ, которые его несли; это многіе дѣлаютъ. Другой раненъ въ грудь; становишься на колѣни, чтобы посвѣтить доктору и чтобы узнать, не навылетъ ли,—подкладываешь руку подъ спину и отыскиваешь выходъ пули. Можешь себѣ представить, сколько тутъ крови!.. Но довольно! Если бы я разсказала всѣ ужасныя раны и мученья, которыя я видѣла въ эту ночь, ты бы не спала нѣсколько ночей!..

„Наконецъ разсвѣло. Пальба прекратилась. При домѣ Собранія есть маленькій садикъ. Представь себѣ,—и тамъ лежатъ раненые. Я беру водки и бѣгу туда. Тамъ, при чудномъ солнечномъ восходѣ изъ-за горы надъ бухтой, при веселомъ чириканьѣ птичекъ, подъ бѣлыми акаціями въ полномъ цвѣту, лежитъ человѣкъ до 30-ти тяжело раненыхъ и умирающихъ. Какая противоположность съ этимъ яснымъ весеннимъ утромъ! Я позвала двухъ севастопольскихъ обывателей, которые всю ночь съ большимъ усердіемъ носили раненыхъ, перенести и этихъ. Говорили, что въ эту страшную ночь выбыло изъ строя 3.000 человѣкъ; у насъ перебывало болѣе 2.000 и было 50 раненыхъ офицеровъ“.

На другой день начались операціи и продолжались во весь день до вечера, только съ небольшимъ перерывомъ для отдыха и обѣда. На третій день пальба была меньше и раненыхъ тоже; мы думали, что можно отдохнуть, но вдругъ двери отворились и пошли носилки за носилками; и это оказались несчастные, которые были ранены еще въ ту ужасную ночь, и такъ и пролежали тамъ почти двое сутокъ. Инымъ французы давали воды и галетокъ. Всѣ были ранены въ ноги.

Я могла бы, послѣ этихъ ужасныхъ воспоминаній, разсказать что-нибудь поотраднѣе... Вотъ вспоминается мнѣ великолѣпный вечеръ 19-го мая. Я была у сестеръ на Сѣверной; возвращалась я назадъ черезъ бухту на катерѣ съ А. П. Стаховичъ. Такъ было хорошо! Море какъ зеркало, пальбы почти никакой; въ воздухѣ что-то пріятное, успокоительное. И вотъ, зайдя на минуту въ Собраніе, я пошла домой, чтобы хорошенько отдохнуть, но сейчасъ же приходитъ почти вслѣдъ за мной сестра Степанова и говоритъ, что меня просятъ сейчасъ же идти въ Собраніе. Иду поспѣшно, не понимая, зачѣмъ меня зовутъ; вѣдь я только-что ушла оттуда. И первая сестра, которая меня встрѣтила, говоритъ: „Творогова сейчасъ принесли сюда; онъ раненъ въ грудь съ лѣвой стороны навылетъ“.

Онъ былъ страшно блѣденъ и такъ слабъ, что насилу мнѣ отвѣтилъ. Прежде чѣмъ я пришла, онъ уже исповѣдывался и причастился. У насъ постоянно дежурили тоже священники, имѣя при себѣ запасные дары. Я не имѣла никакой надежды и всю ночь въ полутемной комнатѣ просидѣла подлѣ него, прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ къ его дыханію, ожидая ежеминутно послѣдняго его вздоха. Но къ утру онъ сталъ не такъ блѣденъ и слабъ и отвѣчалъ мнѣ въ полной памяти. Но я все-таки не рѣшилась 21-го, въ именины великой княгини, ѣхать на Сѣверную, гдѣ начальница, сестры и доктора справляли праздникъ основательницы нашей общины. Итакъ, я не знаю, кто и что̀ тамъ было. Я боялась оставить моего раненаго, такъ какъ положеніе его было очень опасно, хотя на третій день Николай Ивановичъ и всѣ доктора начали подавать надежду на его выздоровленіе. Ухаживать за нимъ мнѣ было очень удобно, такъ какъ онъ и еще нѣкоторые раненые офицеры оставались въ домѣ Собранія, хотя и былъ особенный офицерскій госпиталь въ Екатерининскомъ дворцѣ.

Я всегда слыхала, что Нахимовъ очень внимателенъ ко всѣмъ раненымъ морякамъ, а тутъ я увидѣла это и на дѣлѣ. На другой же день онъ былъ два раза у Творогова,—спрашивалъ, что̀ онъ желаетъ, что̀ можно сдѣлать для его семейства, такъ какъ въ эту минуту не было еще никакой надежды на его жизнь. Онъ также очень внимателенъ и къ матросамъ, присылаетъ табакъ, варенье и пр., часто приходитъ навѣщать ихъ. Какъ же морякамъ не любить такого начальника?

25-го мая, только-что мы сѣли обѣдать на балконѣ, спасаясь отъ мухъ, которыхъ въ комнатѣ цѣлый рой, — одна бомба за другой вдругъ начали свой грозный полетъ. Мы продолжали обѣдать, но Твороговъ прислалъ за мной.—Я испугалась, пошла, думая, что ему стало хуже. Но онъ мнѣ сказалъ, что желаетъ, чтобы я была въ Собраніи, гдѣ менѣе опасности (не знаю, отчего онъ это находилъ, такъ какъ наши госпитали были постоянно обстрѣливаемы). Ожидали, что начнется бомбардировка. Бомбардировки города не было, но была ужасная пальба на бастіонахъ; намъ хорошо это было видно съ террасы, на которую можно было выйти съ хоръ залы Собранія. Шумъ, трескъ,—настоящій адъ! А когда стемнѣло, то точно фейерверкъ: по десяти и болѣе бомбъ вдругъ летали. У насъ раненыхъ было мало, такъ какъ съ тѣхъ бастіоновъ носили на Павловскій мысокъ. Черезъ день только Николай Ивановичъ съѣздилъ туда, и къ намъ перевезли 200 человѣкъ, и пошли операціи. Результатъ ночи съ

25-го на 26-е былъ очень грустный: мы потеряли Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій редуты, и непріятельское кольцо все тѣснѣе и тѣснѣе окружало Севастополь. Это произвело большое уныніе.

Въ это же время Н. И. Пироговъ и многіе изъ докторовъ, которые именно были съ нами на перевязочномъ пунктѣ, собирались уѣзжать, да и перевязочный пунктъ рѣшили перевести на Сѣверную, на Михайловскую батарею, т.-е. такой пунктъ, какой былъ у насъ въ Собраніи, гдѣ дѣлаются большія операціи и лежатъ больные, а на Южной будетъ только подаваться самая первая, необходимая помощь.

Сестеръ рѣшили оставить только пятерыхъ. А. П. Стаховичъ не хотѣла этимъ распоряжаться, а предложила, чтобы сестры сами заявили свое желаніе. Я первая очень пожелала остаться, и многія тоже вызвались, но рѣшено, что довольно пяти.

Я забыла сказать, что великая княгиня, зная давно, что Николай Ивановичъ думаетъ уѣхать, поручила общину графу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, такъ что онъ, послѣ отъѣзда Николая Ивановича, сталъ нашимъ главнымъ начальникомъ и покровителемъ. Онъ и всегда былъ очень внимателенъ къ сестрамъ и показывалъ большое участіе къ намъ.

Теперь, дойдя въ моихъ воспоминаніяхъ до 6-го іюня, не могу не остановиться и не написать подробно объ этомъ днѣ. Мнѣ такъ живо вспоминается все то, что̀ тогда было, все, что̀ я тогда испытала и перечувствовала, что кажется, будто это было не такъ давно.

Начну мои воспоминанія съ самаго вечера 5-го іюня. Мы опять съ мая мѣсяца жили въ домѣ Павловскаго; только сестра Меркулова съ своими сестрами осталась на Николаевской батареѣ.

Только-что мы поужинали и хотѣли лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть, какъ вдругъ бомба разорвалась близко отъ насъ, такъ что осколки посыпались на деревья нашего садика. Сестры хотѣли сейчасъ бѣжать на Николаевскую батарею, а я рѣшительно сказала, что останусь; французы попалятъ съ великимъ трескомъ, да и перестанутъ. Четыре сестры тоже остались. Но перестали только на полчаса, а затѣмъ опять поднялась адская трескотня и съ нашей Константиновской батареи; съ густымъ и полнымъ звукомъ несутся ядра надъ моремъ въ ихъ корабли, а они съ кораблей пускаютъ ракеты по нѣскольку вдругъ—настоящій фейерверкъ!

Я, сестра Куткина и Павловская, мы сѣли у открытаго

окошка смотрѣть на это грозное и красивое зрѣлище. Какъ сейчасъ вижу,—вдругъ три ракеты блестятъ все ярче и ярче, и поднимаются все выше и выше, точно прямо къ намъ. Какъ я усердно помолилась въ эту минуту! Но, слава Богу, не знаю, куда онѣ долетѣли, но насъ не тронули. Когда разсвѣло, я крѣпко заснула, но вбѣгаетъ Павловская и кричитъ: „Штурмъ! Надо скорѣй уходить“!

Но однако штурма въ эту ночь не было. Такъ какъ съ вечера у насъ все было уложено и приготовлено, то мы сейчасъ собрались и отправили весь свой багажъ на Николаевскую батарею, куда и велѣно было носить раненыхъ.

Сестра Куткина, которая со мной дежурила, ушла туда, а я осталась при девяти офицерахъ. Иные уже давно у насъ лежатъ, въ томъ числѣ и Твороговъ; ему, слава Богу, было лучше, но онъ жаловался, что эти близкіе выстрѣлы очень болѣзненно на него дѣйствуютъ.

А бѣдный молоденькій юнкеръ, которому недавно отняли ногу, метался, выходилъ изъ себя, умолялъ, чтобы его перевезли на Сѣверную. Я его успокоила, пообѣщавъ, что при первой возможности онъ будетъ туда перевезенъ.

Куперницкій, штурманскій офицеръ, находящійся при перевязочномъ пунктѣ и которому въ особенности были поручены флотскіе раненые, поѣхалъ на Сѣверную, чтобы узнать, приготовлено ли помѣщеніе въ 4-мъ №. Комнаты были очищены, но въ нихъ ровно ничего не было, такъ что раненыхъ надо было перевозить на ихъ кроватяхъ.

Во время его поѣздки братъ его былъ раненъ на бастіонѣ, и онъ прямо оттуда велѣлъ перенести его на баркасъ; тѣ же рабочіе перенесли изъ Собранія юнкера и еще двоихъ. Я ихъ провожала до баркасовъ. Ночь была темная, но совершенно тихая и теплая. Съ одной стороны серебристый свѣтъ новаго мѣсяца, съ другой—то раскаленныя ядра, то ракеты.

Кровати поставили на баркасъ, и самъ Куперницкій съ ними уѣхалъ, поручивъ мнѣ на двухъ приготовленныхъ баркасахъ отправить остальныхъ раненыхъ, а чтобъ было кому ихъ перенести, обратиться къ дежурному офицеру при Графской пристани, такъ какъ рабочіе должны были немедленно вернуться на бастіонъ.

Я такъ и сдѣлала, но тутъ вышло непредвидѣнное затрудненіе: дежурный офицеръ сказалъ мнѣ, что у него нѣтъ рабочихъ.

— Такъ прикажите же людямъ, которые на баркасахъ, перенести раненыхъ.

На это онъ объявилъ, что они обязаны работать только на водѣ, а не на землѣ.

— Но что̀ же будетъ? — вскрикнула я. — Они останутся ждать тутъ подъ ядрами, а раненые будутъ лежать въ Собраніи также въ опасности? Боже мой, что̀ же мнѣ дѣлать?

— Что̀ хотите.

— По крайней мѣрѣ, не препятствуйте имъ идти, если я ихъ на это уговорю.

— Извольте, уговаривайте.

Я подошла къ баркасамъ и сказала:

— Вы знаете, что вы должны перевезти раненыхъ, но некому ихъ нести, а покуда я достану рабочихъ, вы простоите тутъ всю ночь. Гораздо лучше, если вы сами за ними пойдете, а я вамъ еще и заплачу за труды.

Они согласились охотно, и мои раненые, которые долго и съ такимъ нетерпѣніемъ меня ожидали, были, наконецъ, перенесены на баркасы.

Проводя ихъ, я вернулась въ Собраніе. Какое грустное и тяжелое впечатлѣніе производила эта большая опустѣвшая зала, освѣщенная одной свѣчой, которую я держала въ рукахъ, и сверкающими въ окнахъ выстрѣлами!..

Итакъ, мы оставили этотъ домъ, гдѣ столько перебывало страдальцевъ; нашимъ единственнымъ убѣжищемъ въ Севастополѣ стали казематированные своды Николаевской батареи.

Взявъ изъ Собранія нѣкоторыя вещи, я тоже пошла туда продолжать свое дежурство. Тамъ было много тяжело раненыхъ, тѣснота, духота страшная. По временамъ я выходила на галерею подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть на грознопрекрасную картину: на горѣ въ Севастополѣ было нѣсколько пожаровъ, и какой былъ рѣзкій эффектъ бѣлаго, яркаго свѣта брандскугеля, если онъ падалъ близко отъ краснаго пламени пожаровъ. А на Малаховомъ курганѣ такъ и сверкалъ баталіонный огонь.

Александръ Бакунинъ скоро пришелъ и разсказалъ, что французы пытались штурмовать Малаховъ курганъ, но, потерявъ много людей, лѣстницы и фашины, были отбиты. Солдаты бросались имъ на встрѣчу какъ львы. Успѣхъ очень всѣхъ одушевилъ, но ждали новой попытки.

Тутъ мы уже совсѣмъ устроились въ Николаевской, только нашъ казематъ былъ съ большимъ окошкомъ не на море, а на Севастополь, на площадь, на Екатерининскую улицу и на Mamelon-Vert, откуда на насъ стрѣляли.

Черезъ день я могла съѣздить на 4-й №, куда перевезли Творогова и другихъ офицеровъ. Очень мнѣ хотѣлось знать, хорошо ли они перенесли переѣздъ, и будетъ ли тамъ ординаторомъ нашъ докторъ В. Ив. Тарасовъ, чего я очень желала, и очень была довольна, что онъ тамъ; я долго у него сидѣла.

Теперь стало очень затруднительно попадать на Сѣверную, такъ какъ вольныхъ лодокъ уже не было, а надо было доставать казенныя. На этотъ разъ я поѣхала туда съ Яни; ему надо было побывать на Михайловской батареѣ, гдѣ теперь былъ перевязочный пунктъ, и гдѣ профессоръ Гюбенетъ замѣнилъ Н. Ив. Пирогова, который 5-го уѣхалъ въ Симферополь, а оттуда въ Петербургъ.

Тамъ я познакомилась и съ новыми сестрами и въ первый разъ была въ этомъ госпиталѣ. Вернулась я на гичкѣ съ Куперницкимъ. Что̀ за милая штучка эта гичка, и какъ скоро она плыветъ! Все было такъ спокойно; прошла я въ казематъ сестры Линской. Тамъ былъ Ив. Ив. Кизмеръ; мы пили вмѣстѣ чай и радовались недавнему успѣху. Вернулась я къ себѣ поздно. Вижу— записка отъ А. П. Стаховичъ. Она пишетъ, что проситъ насъ всѣхъ немедленно собраться и ѣхать къ нимъ на Сѣверную, что онѣ насъ ждутъ, что въ другомъ мѣстѣ мы можемъ быть полезнѣе! Я была удивлена, поражена, не могла понять, отчего, когда шту̀рмъ былъ такъ успѣшно отраженъ, мы должны оставить Севастополь? Я тотчасъ пошла къ графу Сакену, которому теперь была поручена община, узнать, что это значитъ, и спросить, что мнѣ дѣлать; уѣхать я никакъ не хотѣла.

Сначала онъ отказался меня принять; мнѣ сказали, что онъ пріѣхалъ съ бастіоновъ и легъ; а я отвѣчала, что мнѣ совершенно необходимо его видѣть, и въ горизонтальномъ онъ или въ вертикальномъ положеніи, это мнѣ все равно; я пробуду у него одну минуту.

Когда онъ меня принялъ, я ему поспѣшно разсказала, что я только-что пріѣхала съ Сѣверной, видѣла нашего доктора Тарасова; онъ мнѣ ничего подобнаго не говорилъ. А возвратившись, нашла такую записку и показала ему письмо А. П. Стаховичъ, спрашивая, что̀ мнѣ дѣлать. Онъ тоже не понималъ, отчего вдругъ такое распоряженіе, и отвѣчалъ мнѣ очень неопредѣленно. Тогда я попросила дать мнѣ казака, чтобы послать записку доктору Тарасову и узнать, что̀ это значитъ. А чтобъ не терять времени, я пошла написать записку въ канцелярію главнаго штаба; тамъ всѣ радовались побѣдѣ, отраженному штурму, писали реляціи, и я еще болѣе не понимала, зачѣмъ намъ

уѣзжать. Однако, отправивъ записку съ казакомъ на Сѣверную, я все-таки сказала сестрамъ, чтобъ онѣ были наготовѣ и уложились, а сама поужинала и, совсѣмъ одѣтая, легла и скоро заснула, такъ какъ двѣ ночи не спала.

Но вдругъ, въ первомъ часу ночи, страшная перестрѣлка на Малаховомъ курганѣ заставила меня вскочить и выбѣжать на нашу галерею. Увидя два яркихъ огня на курганѣ (это значило, что просятъ о помощи), я подумала: неужели я глупо сдѣлала, что не уѣхала? Но огни очень скоро погасли, штуцерная перестрѣлка прекратилась, а казакъ подалъ мнѣ записку отъ доктора, который писалъ, что уѣзжать намъ нѣтъ нужды, что это какое-то недоразумѣніе.

Я потомъ слышала, что сестры, на Сѣверной, ночью поспѣшно ушли изъ бараковъ въ какой-то новый, готовившійся для госпиталя, лагерь. Какой это именно былъ—не знаю. Думаю, что это въ тотъ, который былъ, какъ его называли, на Сѣверныхъ-Горахъ, потому что до того мѣста, гдѣ потомъ былъ тоже госпиталь на Бельбекѣ, очень далеко. Отчего у нихъ была такая тревога—не знаю. Потомъ мнѣ только нѣкоторыя сестры разсказывали съ большой досадой про этотъ ничѣмъ не мотивированный побѣгъ.

Я мало пишу о другихъ отдѣленіяхъ и о другихъ сестрахъ. Хотя разстояніе между нашими отрядами считалось очень небольшое, но способы сообщенія были очень затруднительны, да къ тому же у всѣхъ было слишкомъ много дѣла, чтобы имѣть возможность посѣщать другъ друга; а по разсказамъ, которые я теперь отчасти и перезабыла, не хочу писать, не будучи увѣрена, что они справедливы.

Изъ перваго отряда я знала только тѣхъ сестеръ, которыя поступили къ намъ на перевязочный пунктъ. Знала я еще нѣкоторыхъ сестеръ, Гординскую и Домбровскую. Гординская была помощницей начальницы и старшей при баракахъ. Ихъ обѣихъ очень хвалили. Помню, что я разъ была у нихъ и съ сестрой Гординской ходила въ палатки, гдѣ тоже было много больныхъ. Я была тамъ въ очень хорошую погоду и съ удовольствіемъ ходила по этому лагерю, отыскивая въ палаткахъ своихъ знакомыхъ больныхъ. Въ эту минуту погода была прекрасная, и хотя мѣстность очень грустная, но каждый маленькій кустикъ, каждая травка такъ свѣжо зеленѣли, воздухъ былъ такой чистый, пріятный!..

Но этотъ госпиталь былъ открытъ ранней весной, и бѣдныя сестры, ходя въ него изъ бараковъ, мучились, идя по не вылаз-

ной, липкой грязи, и тамъ иногда цѣлый день находились подъ дождемъ.

Не знаю тоже, когда именно сестры были помѣщены въ Михайловскую батарею, прежде ли, или послѣ только того остались тамъ, какъ туда былъ переведенъ отъ насъ перевязочный пунктъ, который очень скоро вернулся на Южную сторону, въ Николаевскую батарею (на Михайловской онъ былъ всего десять дней), а тамъ остался главный флотскій госпиталь. Потомъ тамъ и была ранена сестра Васильева: осколкомъ бомбы ей переломило руку, но, слава Богу, она хорошо поправилась.

Тоже не знаю, когда открытъ госпиталь на Сѣверныхъ Высотахъ и Бельбекѣ, и когда сестры туда переѣхали, и сколько и кто тамъ былъ. Знаю только, что на Бельбекѣ жила сама А. П. Стаховичъ, а на Сѣверныхъ Высотахъ—сестра Чупати, но кто еще съ ними и сколько—не знаю.

Я бы очень желала, чтобы кто-нибудь, пользуясь всѣми письмами и оффиціальными бумагами и обращая вниманіе не на сплетни, а на дѣйствія, описалъ всѣ труды Крестовоздвиженской общины во всѣхъ мѣстахъ и городахъ, гдѣ работали тогда сестры. А то жаль, что нѣтъ именно полнаго отчета о дѣятельности общины съ первой же минуты ея созданія неустанными и столь душевными заботами великой княгини Елены Павловны. Тогда это было совершенно новое дѣло. Даже въ Парижѣ les soeurs de St. Vincent de Paul только въ крымскую кампанію поступили въ военные госпитали. Это онѣ мнѣ сами разсказывали, когда я проводила съ ними цѣлые дни въ военномъ госпиталѣ Val de Grâce,—и всѣ непріятности и обиды, которыя имъ пришлось тамъ перенести.

Мнѣ часто приходилось спорить съ сестрами Краснаго Креста, которыя говорили, что сестры Крестовоздвиженской общины не такъ работали и не такъ были поставлены, какъ онѣ теперь,—что̀ совершенно ошибочно, а особливо по госпитальному начальству мы были лучше поставлены, если судить только по тому, что̀ я видѣла и, особливо, что̀ слышала на Кавказѣ, гдѣ была сестрой Краснаго Креста больше года при военныхъ госпиталяхъ.

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Итакъ, мы были совершенно правы, что не уѣхали съ Николаевской батареи, такъ какъ черезъ десять дней перевязочный пунктъ опять вернулся къ намъ. Опять пріѣхала сестра Лоде, какъ старшая, а съ ней и прочія сестры.

Только перевязочный пунктъ, вмѣсто большихъ, высокихъ

комнатъ дома Собранія, помѣщался въ тѣсныхъ трехъ казематахъ подъ сводами, да на мѣсто Николая Ивановича Пирогова—Гюбенетъ и совершенно не тотъ персоналъ докторовъ.

И теперь работали непрерывно, аккуратно, но не было того товарищескаго чувства, которое соединяло всѣхъ вокругъ Николая Ивановича; не было того оживленія, той живости, того душевнаго участія!.. А работы все прибавлялось и прибавлялось, и опять пошли у насъ однообразно мучительные дни, то менѣе, то болѣе раненыхъ, то много, то меньше операцій...

Остановлюсь на пріѣздѣ въ Севастополь архіерея Иннокентія. Въ самый день своего пріѣзда онъ съ графомъ Сакеномъ приходилъ въ наши казематы благословить сестеръ. А на другой день было молебствіе на площади передъ Адмиралтействомъ. Съ одной стороны этой площади—церковь, съ другой—круглый фасадъ дома Красильникова. Въ этотъ домъ постоянно въ эти дни летали бомбы, и многихъ ранило, но объ этомъ никто и не думалъ: онѣ летали и дальше, и долетаютъ и перелетаютъ черезъ площадь. Генералы, войско, народъ, нѣсколько дамъ въ шляпкахъ и я съ сестрами спокойно тутъ стоимъ. Духовенство въ золотомъ облаченіи; хоругви развѣвались и блистали при яркомъ утреннемъ солнцѣ. Стройно неслось пѣніе.

Когда окончилось молебствіе, архіерей, въ своемъ богатомъ облаченіи, въ митрѣ, блистающей золотомъ и алмазами, небольшой ростомъ и уже съ посѣдѣлой бородой, подошелъ къ аналоямъ, гдѣ лежали образа Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Изъ заднихъ рядовъ вышло по нѣскольку человѣкъ неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Они пришли съ бастіоновъ, защищающихъ городъ, чтобы принять благословеніе архипастыря и отнести на бастіоны образа, которые усердіе соотечественниковъ прислало изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Передавая имъ образа, архіерей Иннокентій говорилъ имъ краткія рѣчи, но, къ сожалѣнію, за шумомъ и отдаленіемъ, намъ ничего не было слышно. Когда онъ отдалъ всѣ образа и запѣли: *Спаси, Господи!* — какъ усердно всѣ молились при словѣ: *побѣды!...*

Во все пребываніе мое въ Севастополѣ я такъ отрадно и такъ успокоительно не молилась. Опять вошли въ церковь для литургіи, а когда служеніе окончилось, архіерей, во всемъ еще облаченіи, вышелъ на папертъ благословлять войско, при воскресномъ пѣніи: *Воскресеніе Христово видѣвше...* и еще: *Предварившe утро яже Марія и обрящe камень отваленъ отъ гроба.*

Какъ было тогда радостно это пѣніе,—точно и Севастополь

можетъ воскреснуть! А потомъ, взойдя въ церковь, архіерей разоблачился и вышелъ оттуда, благословляя всѣхъ и направляясь прямо къ графу Сакену. Я слышала потомъ, что архіерей Иннокентій очень желалъ и собирался посѣтить всѣ бастіоны, но графъ его упросилъ этого не дѣлать.

Еще разскажу одинъ день, совершенно выходящій изъ общаго порядка нашихъ дней; я знаю, что меня даже осуждали за это, но я не могла отказаться, да правду сказать—и не хотѣла.

Какъ-то, очень неожиданно, встрѣчаю я въ нашихъ безконечныхъ корридорахъ священника и съ нимъ черкеса. Священникъ обратился ко мнѣ съ просьбой согласиться быть воспріемницей обращеннаго имъ въ христіанство молодого человѣка, уже заслужившаго георгіевскій крестъ. Воспріемникомъ будетъ генералъ Липранди. Священникъ такъ настоятельно меня упрашивалъ, что мнѣ пришло въ голову, не ошибка ли это, не отыскиваетъ ли онъ нашу начальницу, и просила сестру Зихель ему это объяснить. Но онъ сказалъ, что знаетъ и, именно, отыскиваетъ сестру Бакунину, и я согласилась. Надо было приготовить одежду для крещаемаго, и одинъ фельдшеръ вызвался сходить купить мнѣ голубую ленту и коленкору; но только-что онъ ушелъ, мнѣ стали говорить, что на этой улицѣ очень опасно. Боже мой! Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ждала, тѣмъ болѣе, что во все время, что онъ ходилъ, пальба не прекращалась. Но, слава Богу, онъ вернулся цѣлъ и невредимъ.

Въ назначенный для крестинъ день, переѣхавъ черезъ бухту, мы сѣли въ присланную за нами коляску: со мной была одна севастопольская жительница. Лагерь—за пять верстъ; я рада была ѣхать туда и, послѣ пяти мѣсяцевъ, подышать чистымъ воздухомъ. Вотъ передъ нами высоты Инкермана; туманъ покрываетъ ихъ и мѣшаетъ видѣть тѣ высоты,—по ту сторону Черной рѣчки,—которыя заняты французами и англичанами, а съ этой стороны—тѣ, которыя ближе увѣнчаны батареями, а еще ближе, между кустами держи-дерева и дуба (который на этой безплодной почвѣ не ростетъ какъ дерево)—балаганы, землянки и кое-гдѣ, кое-гдѣ, палатки. Вдали, на Мекензевой горѣ, бѣлѣются палатки, а ближе въ сторонѣ домикъ въ три окошка; возлѣ него собрались тѣснѣе палатки, и маленькія, и очень большія.

Выйдя изъ коляски, я увидѣла навѣсъ изъ сучьевъ съ сухими листьями и подъ нимъ, на подпоркахъ тоже изъ сучьевъ—зрительная труба; въ нее безпрестанно смотритъ дежурный офицеръ по направленію къ непріятелямъ, не подходятъ ли, не имѣютъ ли намѣренія перебраться на нашу сторону и отрѣзать

Севастополь. И я посмотрѣла въ трубу, но за туманомъ ничего не видѣла.

Въ палаткѣ, устроенной изъ двухъ солдатскихъ, было приготовлено все для крещенія: покрытый столъ, на немъ образъ, по срединѣ аналой и чанъ, покрытый краснымъ сукномъ; возлѣ поставили черкеса въ бѣлой рубашкѣ съ голубыми лентами; по правую его сторону генералъ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, по лѣвую—я. Возлѣ него очень молоденькій юнкеръ, почти дитя, сынъ генерала; въ его честь и новоокрещенный названъ Рафаиломъ.

Пòлы съ одной стороны палатки были подняты, и тамъ виднѣлись юнкера, офицеры, солдаты. Священникъ совершилъ благоговѣйно обрядъ крещенія; съ пѣніемъ: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся"—сливалась очень отдаленная пальба, не нарушая его стройности. Послѣ крещенія, пропѣвъ молебенъ архангелу Рафаилу, священникъ провозгласилъ многолѣтіе царю, воспріемникамъ, военачальнику Павлу, рабѣ божіей Екатеринѣ и новоокрещенному Рафаилу. Поздравили другъ друга, и я пошла съ моимъ кумомъ въ маленькую палатку полковника днѣпровскаго полка. Къ великому горю священника и новоокрещеннаго, ихъ азовскій полкъ наканунѣ получилъ приказаніе и ушелъ ближе къ Севастополю, на Сѣверную. Отъ этого такъ рѣдки палатки и такъ мало людей.

Нѣсколько минутъ разговаривала я съ генераломъ; онъ изъявилъ мнѣ свое удивленіе, что я пошла въ сестры. Я ему отвѣчала, что еслибы я была мужчиной, то давно имѣла бы честь служить подъ его начальствомъ; но когда сдѣлали воззваніе къ женщинамъ, я не могла не отозваться... Генералъ уѣхалъ по направленію къ домику, а я съ моимъ крестникомъ, но уже одѣтымъ въ красивый черкесскій мундиръ и съ георгіевскимъ крестомъ, пошла въ палатку къ священнику. Тамъ мы завтракали вчетверомъ. Священникъ, узнавъ, что учредительницей нашей общины великая княгиня Елена Павловна, съ чувствомъ пилъ за ея здòровье. Но пора ѣхать. Подали коляску, мой крестникъ посадилъ меня, и пара славныхъ лошадей повезла насъ обратно въ Севастополь, который совсѣмъ исчезалъ въ знойномъ туманѣ.

Даже и теперь, несмотря на то, что столько лѣтъ прошло, такъ сердце и сжалось, когда я стала вспоминать роковые дни конца іюня и 1-ое іюля!.. Но чувствую, что теперь такъ не опишу живо и горячо, какъ писала къ сестрѣ подъ первымъ впечатлѣніемъ 3-го іюля, и поэтому включаю сюда отрывокъ изъ этого письма:

3-го іюля, Севастополь.

..."Бѣдный Севастополь! Сколько крови льется въ немъ и за него!.. И, наконецъ, французамъ удалось попасть въ Нахимова. Сколько, сколько времени они въ него мѣтили! Онъ такъ неосторожно разъѣзжалъ по всѣмъ бастіонамъ; никто не носилъ эполетъ, а онъ постоянно ихъ носилъ, и когда ему говорили: "Тутъ опасно, отойдите", онъ всегда отвѣчалъ: "Вы знаете-съ, я ничего-съ не боюсь".

"Эта ужасная вѣсть сейчасъ донеслась и до насъ; пошла какая-то зловѣщая суета. Послѣ своей несчастной раны въ голову, П. С. Нахимовъ прожилъ полторы сутокъ, но не приходилъ въ себя и не говорилъ. Онъ лежалъ на Сѣверной; тѣло его перевезли сюда, въ его домъ, безъ всякой церемоніи.

"Но я тебѣ буду описывать только то, что̀ сама видѣла, а это все будетъ въ газетахъ. Хотя у насъ большія строгости для выхода сестеръ, но я сказала старшей сестрѣ Лоде, что иду поклониться Нахимову; еще двѣ сестры пошли со мной.

"Уже готовились къ выносу въ церковь для отпѣванія. Это было въ пятницу послѣ обѣда. На улицѣ стояли войска и пушки, множество офицеровъ морскихъ и армейскихъ. Во второй комнатѣ стоялъ гробъ, обитый золотой парчой, кругомъ много подушекъ съ орденами, въ головахъ сгруппированы три адмиральскихъ флага, а самъ онъ былъ покрытъ тѣмъ прострѣленнымъ и изорваннымъ флагомъ, который развѣвался на его кораблѣ въ день синопской битвы. Священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ Евангеліе. По загорѣлымъ щекамъ моряковъ, которые стояли на часахъ, текли слезы. Съ тѣхъ поръ я не видала ни одного моряка, который бы не сказалъ, что радостно бы легъ за него. Одинъ только сказалъ мнѣ: "Жаль его, ну да все равно,—я самъ за нимъ скоро умру". Онъ говорилъ это, лежа на операціонномъ столѣ.

"Въ церковь мы не ходили, а потомъ пошли на бульваръ. Это близъ того мѣста, гдѣ библіотека; очень высокое мѣсто, и внизу церковь близъ Графской пристани. Мы простояли нѣкоторое время: все еще ходили въ церковь прощаться. Наконецъ, заунывный трезвонъ и все болѣе и болѣе слышное пѣніе возвѣстили намъ, что вышли изъ церкви. Процессія повернула совсѣмъ не туда, куда я ожидала, а прямо къ намъ на гору и прошла мимо насъ. Его несли въ недостроенную церковь равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ уже были схоронены адмиралы Лазаревъ, Корниловъ, Истоминъ,—два послѣдніе тоже павшіе за Севастополь.

„Никогда не буду я въ силахъ передать тебѣ этого глубоко-грустнаго впечатлѣнія. Представь себѣ, что мы были на возвышенности, съ которой виденъ весь Севастополь, бухта съ нашими грустно разснащенными кораблями, море съ грознымъ и многочисленнымъ флотомъ нашихъ враговъ, горы, покрытыя нашими бастіонами, на которыхъ Нахимовъ бывалъ безпрестанно, ободряя еще болѣе примѣромъ, чѣмъ словами. Дальше, горы съ непріятельскими батареями, съ которыхъ такъ безпощадно громятъ Севастополь, и съ которыхъ и теперь они могли бы стрѣлять прямо въ процессію. Но они были такъ любезны, что во все это время не было ни одного выстрѣла.

„Представь же себѣ этотъ огромный видъ, а надъ всѣмъ этимъ, и особливо надъ моремъ, мрачныя, тяжелыя тучи: только кое-гдѣ вверху блистало свѣтлое облачко. Заунывная музыка, перезвонъ колоколовъ, печально-торжественное пѣніе; очень много священниковъ, генераловъ, офицеровъ, на всѣхъ лицахъ грустное выраженіе...

„Такъ хоронили моряки своего синопскаго героя, такъ хоронилъ Севастополь своего неустрашимаго защитника!

„Ты не можешь себѣ представить того тяжелаго чувства, съ которымъ я смотрѣла на это, и какъ я наплакалась! И сколько, сколько, я думаю, теперь поминаютъ новопреставленнаго Павла!

„Говорятъ, что онъ все жалованье свое и все, что̀ могъ, отдавалъ, чтобы помогать морякамъ. А какъ онъ тоже былъ внимателенъ къ нашимъ раненымъ“!.....

...И опять пошли грустно однообразные, грозные дни, и както все болѣе и болѣе терялась надежда на что-нибудь хорошее. Бомбы все чаще и дальше къ намъ залетали. Ѣздила я раза два на 4 №, но одинъ разъ мои гребцы отказались меня везти туда, говоря, что далеко и опасно, а привезли меня только въ Сухую-Балку; оттуда мнѣ пришлось идти до госпиталя пѣшкомъ. Въ половинѣ іюля я имѣла утѣшеніе проводитъ Творогова въ Николаевъ.

Весь іюль продолжалось все то же. Вспомню теперь только изъ ряда вонъ выходящіе случаи и событія, а то страшныя раны, оторванныя ноги, несчастные, которые вмѣсто рукъ поднимали обнаженныя кости, проломанныя головы—всѣ эти ужасы только съ разными перемѣнами повторялись изо дня въ день.

Но вотъ, въ одно лѣтнее, привѣтливое и ясное послѣ-обѣда, внесли однѣ за другими 13 носилокъ; двое изъ принесенныхъ были сильно изранены и ихъ сейчасъ же отнесли въ Гущинъ

домъ, а 11 остались у насъ. Но что̀ за странное было ихъ состояніе! Они всѣ были безъ памяти, какъ-то ползали по полу, а руками дѣлали такіе жесты, какъ бы плавали. Это было послѣдствіе камуфлета; они работали въ минѣ и подошли близко къ непріятельской минѣ, а тѣ свою и взорвали, и вотъ отъ этого они и получили такое страшное сотрясеніе мозга. Ихъ обливали холодной водой, потомъ положили на койки и все прикладывали холодные компрессы; только съ половины ночи они начали приходить въ себя, но не всѣ вдругъ, а то одинъ, то другой; и какъ-то странно они опоминались, точно въ мелодрамѣ: „Гдѣ я? Что̀ со мной? Какъ я сюда попалъ“? Иные только вспоминали, что были въ минѣ. Я всю ночь проходила отъ одного къ другому—такъ меня это интересовало. Къ утру десятеро совсѣмъ опомнились, но одинъ пришелъ въ себя только черезъ сутки,—и всѣ они скоро и совсѣмъ поправились.

Кстати, упомянувъ Гущинъ домъ, я вспомнила вообще, какія были у насъ перемѣны по госпиталямъ. Сначала, когда мы перешли на Николаевскую, попытались еще нѣкоторыхъ оперированныхъ, для которыхъ боялись дурного воздуха батареи,—хотя въ ней постоянно поливали ждановской жидкостью,—класть въ небольшія комнаты дома Собранія. Но это скоро оказалось слишкомъ опаснымъ. Орлова домъ, Гущинъ домъ и Инженерный домъ (гдѣ одно время была холерная больница, но, слава Богу, холерныхъ было немного, и холера скоро совсѣмъ прекратилась, только сестра, которая ходила за больными, умерла холерой) были закрыты: тамъ уже было слишкомъ опасно. Гангренозныхъ перевели въ Екатерининскій дворецъ, а офицерскій госпиталь былъ переведенъ на Сѣверную, въ Михайловскую батарею и на 4 №. Въ гангренозной подвизалась сестра (не помню ея имени), здоровая, бодрая, простая женщина, уже немолодая. Это именно былъ подвигъ великій,—такъ все тамъ было безнадежно и тяжело, и физически, и морально.

Иногда офицеры оставались и у насъ на Николаевской, послѣ раны или послѣ операціи, въ ожиданіи или смерти, или возможности переѣхать на Сѣверную.

Не только у насъ на перевязочномъ пунктѣ, но и во всѣхъ госпиталяхъ, которые были на Южной сторонѣ (про Сѣверную навѣрное не знаю) всѣхъ больныхъ поили чаемъ, даже и два раза въ день. Откуда былъ этотъ чай и сахаръ — навѣрное не знаю. Помню, что два брата Кефали, евреи-караимы, очень часто къ намъ приходили и часто доставляли намъ, что̀ было нужно для больныхъ.

Около этого времени случилась большая тревога. Вдругъ закричали, что бомба упала на крышу порохового погреба. Ив. Ив. Кизмеръ, несмотря на жаръ и на свою полноту, съ великой смѣлостью побѣжалъ стремглавъ туда, — и всѣ въ недоумѣніи ждали, что̀ будетъ, хотя и знали, что погребъ великолѣпно защищенъ. Но, слава Богу, бомбу не разорвало; кто говорилъ, что фитиль погасъ, а кто — что онъ выпалъ, прежде чѣмъ бомба упала.

Какъ-то и я разъ бѣжала по нашему корридору, въ тревогѣ не понимая, что̀ могло случиться. Выйдя изъ операціонной въ наши казематы, вдругъ слышу, что-то пахнетъ дымомъ все сильнѣе и сильнѣе. Бѣгу и вижу густой дымъ въ нашемъ корридорѣ. И что̀ же это? Одна изъ сестеръ разложила костеръ на полу (полъ у насъ былъ каменный) и варитъ изъ кизиля варенье! Разумѣется, я сейчасъ прекратила это неумѣстное хозяйственное занятіе, погасила огонь, и ей пришлось лакомиться недовареннымъ вареньемъ.

Вспомнивъ этотъ больно женскій и легкомысленный поступокъ въ то время, какъ мы были не только на военномъ, но и въ осадномъ положеніи, — я вспомнила другую женщину, въ которой ничего почти не было женскаго. Это — въ то время очень извѣстная Прасковья Ивановна; она была какая-то темная личность; много про нее говорили, можетъ быть, и лишняго. Она ходила на 4-ый бастіонъ и Малаховъ курганъ; солдаты ее очень любили, — она какъ-то все пришучивала; офицеры надѣвали на нее разные фольговые и изъ бумаги вырѣзанные ордена, давали ей денегъ. И вотъ разъ она пришла и проситъ одну сестру купить ей шолковой матеріи на платье, и когда та ей принесла нѣжно-лиловый гроденапль, — она очень ему обрадовалась. Но не удалось ей, бѣдной, пощеголять въ этомъ платьѣ; скоро послѣ этого ей оторвало обѣ ноги, когда она шла на бастіонъ, и она тутъ же умерла. Сестра, у которой хранилась ея матерія, продала ее, чтобы употребить эти деньги на ея погребеніе и поминовеніе.

Вспоминаю еще одинъ грустный случай, даже помню, что это было 20-го іюля, и, какъ по повѣрью, въ этотъ день все набѣгали тучи, блистала молнія и гремѣлъ громъ. И вотъ отъ этой ли бурной погоды, или отъ особенной болѣзненности раненаго, но одинъ раненый умеръ подъ хлороформомъ. И это былъ единственный случай, а то бывало, если и случится обмираніе, то сейчасъ же приводили въ чувство, — а тутъ что̀ ни дѣлали, ничего не помогло. Въ сущности же нечего было этого несчастнаго и хлороформировать: у него отымали всего одинъ палецъ на ногѣ, а такія операціи прежде всегда дѣлались безъ хлороформа.

Но вотъ никакъ не могу вспомнить и не отыскала и въ своихъ письмахъ, когда именно пришло къ намъ курское ополченіе. Думаю, что это было въ послѣдней половинѣ августа. Помню, какъ они входили съ пѣснями; иныхъ мы зазвали къ себѣ, потчивали виномъ, водкой. Но скоро и ополченцевъ стали приносить къ намъ ранеными, и они какъ-то совсѣмъ падали духомъ; стоны и крики ихъ были ужасны! Вотъ флотскіе — тѣ были терпѣливы и тверже, и лучше переносили и раны, и операціи. Армейскихъ по терпѣнію и твердости можно считать серединой; но и между ними были очень твердые и терпѣливые. Я помню одного, у котораго вся рука была раздроблена, а когда я хотѣла его усадить попокойнѣе, онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я могу и постоять, а есть раненые въ ноги, тѣмъ необходимо сидѣть“.

Помню еще одного; онъ былъ легко раненъ и пришелъ только перевязаться; но, видя его усталое и утомленное лицо, я стала его уговаривать воспользоваться этимъ и остаться у насъ, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть.

— Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—ужъ насъ, старыхъ солдатъ, мало осталось, а молодые могутъ и оторопѣть.

И этотъ безвѣстный и скромный герой, твердо исполняя свой долгъ, сейчасъ же ушелъ на бастіонъ.

Но пора вернуться къ послѣдовательному разсказу. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля я наконецъ могла попасть на Бельбекъ. Мнѣ давно хотѣлось видѣть сестеръ Назимову, Никитину и другихъ, но устроить это было довольно трудно. При помощи Яни, на его катерѣ, я съ Куткиной переѣхали черезъ бухту на 4 №, гдѣ Яни и докторъ Тарасовъ добыли намъ фурштадтскую телѣгу на парѣ; сидѣнье на веревкахъ съ ковромъ довольно покойно, но жара нестерпимая. Эти пять или шесть верстъ дорога мѣстами была прескверная, а мѣстами прекрасная. Но вдругъ нашъ возница останавливается и говоритъ, что рѣшительно не знаетъ, куда насъ везти, а дорогъ множество, одна другую пересѣкаетъ.

Къ счастью, въ это время мы увидали офицера верхомъ и попросили его потрудиться подъѣхать и объяснить намъ, какъ попасть на Бельбекъ. Онъ очень любезно началъ толковать нашему кучеру.

— А! это госпиталь,—отвѣчаетъ тотъ:—знаю.

Пріѣхали. Фруктовый садъ; подъ регулярно посаженными деревьями палатки. Спрашиваемъ: гдѣ сестры?—Дальше.—И мы

ѣдемъ опять версту и, какъ было намъ указано, поворачиваемъ на мостъ черезъ рѣчку, такую грязную, что въ ней вода совершенно желтая и густая; потомъ аллея пирамидальныхъ тополей и подъ большими орѣховыми деревьями палатки сестеръ; палатокъ немного, онѣ большія, но въ нихъ ужасно душно. Кругомъ фруктовый садъ, тѣни мало.

Всѣ знакомыя сестры бросились ко мнѣ на встрѣчу, болтали, разсказывали; думаю, что много было экзажерацій въ этихъ жалобахъ и разсказахъ, тѣмъ болѣе, что въ это время было очень непріятное столкновеніе и отчаяніе одной сестры. Но, благодаря добротѣ и вниманію графа Дмитрія Ероѳеевича, все кончилось благополучно. Мы пообѣдали съ сестрами, немного погуляли. Слава Богу, всѣ сестры были здоровы. Хотя госпиталь отъ нихъ не очень близко, но ходить туда—по саду. Подышать хорошимъ воздухомъ и пріятно, и полезно, но мы съ сестрой Куткиной спѣшили уѣхать: вѣдь надо было опять попасть къ доктору Тарасову и имѣть возможность переѣхать бухту; тутъ я тоже имѣла гичку. Какъ я выучилась ею управлять, и какъ она быстро скользитъ и вертится подъ моей рукой! Когда намъ встрѣчались катера или боты, то мы ихъ обходили подъ кормой, а у другихъ проскальзывали передъ носомъ. А тамъ вдругъ мѣстами въ совершенно спокойное море упадетъ бомба, и выскочитъ оттуда какое-то водяное чудовище съ брызгами и грязью.

Къ вечеру мы вернулись на нашу Николаевскую батарею.

У насъ вдоль всей батареи идетъ довольно узкая галерея тоже подъ сводами; такая же и въ нижнемъ этажѣ. Вотъ съ этой-то галереи мы и смотримъ на пальбу, особливо съ Mamelon Vert бомбы падаютъ къ намъ, или передъ нами, на площадь, или черезъ насъ въ море, и мы смотримъ, куда летитъ, долетитъ или перелетитъ.

Почти во всей нижней галереѣ расположились солдаты; тутъ они и ночуютъ, и работаютъ,—кто шьетъ сапоги, кто чинитъ платье, а кто завелся хозяйствомъ и въ кадочкахъ солитъ огурцы. Свободное мѣсто на галереѣ только противъ операціонныхъ казематовъ и нашихъ окошекъ. Вотъ на этомъ-то свободномъ мѣстѣ, особливо по вечерамъ, сходятся офицеры, доктора, сестры; тутъ разсказываются новости, переносятся сплетни. Это что-то въ родѣ аѳинскихъ портиковъ, только Платоновъ нѣтъ, врядъ ли есть и Аристофаны, но, кажется, Клеоповъ много...

Живо помню, какъ я разъ, хотя не спала передъ этимъ всю ночь, а не могла уйти съ этой галереи: начиналась гроза, и такъ это было грозно-красиво! То сверкнетъ зеленоватый и бѣло-

блестящій зигзагъ молніи; то появятся красно-огненные шары, которые поднимаются довольно тихо, вдругъ падаютъ съ ужасной быстротой и съ трескомъ лопаются на воздухѣ; то мѣсяцъ освѣтитъ все; то надвинется страшная, темная туча, и наконецъ разражается страшная гроза и громъ.

Все грустнѣе и грустнѣе становилось у насъ. Никогда не забуду я 4-е августа! Сколько у насъ было тогда ожиданій, надеждъ! Мы знали, что будетъ большое дѣло на Ѳедюхиныхъ горахъ, а среди насъ было какое-то зловѣщее молчаніе. И не только на непріятельскихъ бастіонахъ,—это понятно,—но удивительно было, что и наши батареи молчали. И вотъ, въ этой непривычной для насъ тишинѣ тянется безконечный день безъ всякихъ извѣстій. Только поздно вечеромъ, и то подъ тайной, мнѣ сказалъ одинъ, что все потеряно—и дѣло проиграно.

5-го, уже при страшной пальбѣ, мы узнали подробности. Говорили, что раненыхъ до 8-ми тысячъ, нѣсколько генераловъ убито; говорили, что сестры ѣздили на позицію.

Въ эти же дни бомба попала въ Михайловскій соборъ, во время службы, и взорвала весь полъ, но ранила только одного. Въ Преображеніе уже была устроена церковь въ Николаевской батареѣ, въ нижнемъ этажѣ, такъ что въ нее можно было ходить прямо по галереямъ. Я была очень рада, что въ Преображеніе могла быть у обѣдни. Но теперь можно сказать, что почти и вся жизнь Севастополя сосредоточилась на Николаевской батареѣ: ресторанъ, магазины—все перевезено сюда.

Скажу также и о мелочныхъ перемѣнахъ въ нашей общинской жизни. Сестрѣ Лоде что-то у насъ не понравилось, и она стала просить, чтобы ее опять помѣстили въ Бахчисарай. На ея мѣсто, старшей сестрой къ намъ пріѣхала баронесса Екатерина Осиповна Будбергъ, хорошая, дѣльная и добрая сестра. Но что̀ мнѣ не нравилось, это—то, что у насъ въ общинѣ, гдѣ все должно, кажется, быть основано на любви, милосердіи, полной готовности дѣлать все, что̀ возможно, стало вводиться какое-то чиновническое и формальное отношеніе къ дѣлу. Я знаю, что были сестры, которыя на меня сердились за то, что я хожу къ больнымъ не въ мой дежурный день, а я именно хожу, чтобы поговорить съ ними, что̀ они очень любятъ. И я съ удовольствіемъ всегда вспоминаю, какъ одинъ изъ раненыхъ, который, слава Богу, уже поправлялся, расхваливъ сестеръ, спросилъ меня:

—Да кто же васъ прислалъ сюда? покойный государь или Александръ Николаевичъ?

Я ему отвѣчала, что великая княгиня Елена Павловна. А

другой раненый перебилъ его и говоритъ:—Вѣдь я тебѣ давно толкую, что это вдовушка Михаила Павловича все устроила. Да исполнитъ же Богъ всѣ ея желанія, и да будетъ она всегда счастлива и здорова!

Тутъ и другіе раненые стали желать вел. княгинѣ всевозможнаго счастья. Меня это очень порадовало, какъ доказательство того, что мы полезны и любимы.

Ѣздили мы тоже съ сестрой Будбергъ на Сѣверную въ больничный лагерь, гдѣ ея сестра, Матильда Осиповна Чупати—старшей сестрой; у нея восемь сестеръ. Всѣ раненые въ палаткахъ, ампутированные—въ большихъ госпитальныхъ, а легко раненые—въ маленькихъ солдатскихъ; лагерь—на высокомъ, совершенно открытомъ мѣстѣ; не только нѣтъ ни одного дерева, даже нѣтъ и кустиковъ. Солнце должно тутъ жечь безпощадно. Но когда мы тамъ были, день былъ совсѣмъ не жаркій. Я почти все время просидѣла у сестры Нины Грибаричъ; она нездорова и желала меня видѣть. Потомъ мы обошли весь лагерь, а изъ лагеря заѣхали на рынокъ, который теперь на Сѣверной. Это—кочевье бѣдныхъ жителей Севастополя, и все болѣе и болѣе ихъ прибавляется; у иныхъ шалаши изъ сучьевъ, у другихъ что-то въ родѣ цыганскихъ палатокъ или убѣжища изъ кое-какъ сколоченныхъ досокъ. Тутъ, возлѣ этихъ импровизированныхъ и дикихъ жилищъ, валяется разная домашняя рухлядь: кадочки, боченки, вёдра, горшки.

Вотъ, припоминая все это, разскажу одинъ несчастный случай. У насъ уже давно не приносили женщинъ, и ихъ мало оставалось въ городѣ, только иногда на нижней галереѣ появлялись дѣти и, бросая мячикъ, громко и весело кричали:—Бомба летитъ!—Вдругъ намъ принесли женщину съ оторванной ногой. Я стала съ ней разговаривать и спрашиваю ее:—Зачѣмъ же вы не уйдете на Сѣверную? Туда уже многіе ушли.

— Да и мы на Сѣверной,—отвѣчала она.—Да вотъ захотѣлось огурчиковъ посолить, я и пришла въ домъ за ведромъ, а тутъ меня и хватило!

Да такъ хватило, что она скоро и умерла.

На рынкѣ сестра Будбергъ купила картофелю, капусты, а я—винограду, уже довольно хорошаго.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все грознѣе и грознѣе. Разъ былъ такой взрывъ, что всѣ мгновенно проснулись отъ гула и сотрясенія. У насъ даже изъ иныхъ оконъ стекла посыпались. Говорили, что это нашимъ удалось взорвать непрія-

тельскій погребъ на бывшемъ Камчатскомъ редутѣ, и что тамъ было до 3.000 пудовъ пороху.

Въ половинѣ августа была у насъ большая новость, но, увы! не предвѣщающая ничего хорошаго. Стали строить или, правильнѣе сказать, наводить мосты черезъ бухту отъ Николаевской батареи къ Михайловской. Мостъ крѣпкій, но, разумѣется, пловучій на бочкахъ и качающійся, но широкій, такъ что два и даже три экипажа могутъ разъѣхаться; перила веревочныя.

Дочь генерала Павловскаго и его воспитанница, которыя тоже должны были оставить свой хорошенькій домъ и жить съ нами въ маленькомъ казематѣ, котораго окошко обращено къ морю, очень желали побывать на Бельбекѣ и повидать еще знакомыхъ сестеръ. Не говорилось, но очень чувствовалось, что все это не долго продолжится, и Павловская упросила меня ѣхать съ ней, доказывая, что теперь это гораздо легче и удобнѣе, такъ какъ не надо хлопотать о переѣздѣ на лодкѣ черезъ бухту, а спокойно переѣдемъ черезъ мостъ. Я согласилась. Съ 4-го тамъ очень много раненыхъ, и мнѣ хотѣлось видѣть сестеръ, подышать свѣжимъ воздухомъ (отъ купанья мы уже давно должны были отказаться)—да и должна признаться, что хотѣлось проѣхать по мосту, который только видѣла изъ амбразуры нашей батареи,—проѣхать по морю, аки по суху.

Одинъ изъ знакомыхъ намъ ординарцевъ графа Сакена былъ такъ любезенъ, что взялся добыть экипажъ. И вотъ онъ самъ намъ пришелъ сказать, что экипажъ готовъ. Но что̀ это былъ за экипажъ! Какая-то несчастная телѣжонка на измученной лошадёнкѣ. Какъ мы три тамъ помѣстились, — я и не понимаю. А нашъ учтивый кавалеръ провожалъ до моста, а мы, вмѣсто благодарности, смѣялись, говоря, что онъ насъ провожаетъ, чтобы видѣть, не разсыплется ли нашъ экипажъ. Однако, мы очень благополучно переѣхали черезъ мостъ. День былъ прекрасный, море такъ и блистаетъ по обѣимъ сторонамъ моста (онъ почти съ версту). Было такъ тихо, что онъ совсѣмъ не качался; велѣно по немъ ѣздить шагомъ. Мы начали съ того, что поѣхали въ лагерный госпиталь на Сѣверную. Сестра Грибаричъ поправляется. Мы были тамъ недолго и поѣхали на Бельбекъ, но насилу отыскали туда дорогу по очень живописному ущелью;—впрочемъ, когда рѣдко выѣзжаешь, все кажется красиво,—только пыль была ужасная.

Сестры насъ встрѣтили очень радушно. Сестеръ тутъ много, и я познакомилась съ сестрами пятаго поѣзда. Когда онѣ пріѣхали,—навѣрное не знаю, но, кажется, недавно. Отдохнувъ не-

много и напившись кофе, я пошла отыскивать своихъ знакомыхъ раненыхъ въ лагерѣ.

Теперь у насъ съ начала августа ужасно грустно: раненые почти не остаются у насъ; очень тяжело раненыхъ сейчасъ же отправляютъ на Сѣверную, да и послѣ операціи больной остается недолго, двое, трое сутокъ, и всякій вечеръ шаланда отвозитъ отъ насъ много больныхъ, а утромъ опять все занято новыми; и такъ проходитъ передъ вами длинная вереница лицъ, за которыми не успѣешь и понаблюдать, и походить. И проходятъ они большей частью въ могилу!.. И какъ я бывала рада, когда отыщу какого-нибудь, который поправляется. А это такъ рѣдко.

Лагерь довольно далеко отъ сестеръ—черезъ большой виноградный садъ. Виноградъ или оборванъ, или еще зеленъ. Я пошла туда съ сестрой Медвѣдевой, моей давнишней знакомой. Она, до отъѣзда, жила у Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, съ которой мы были давно знакомы. Медвѣдева дежуритъ при офицерскихъ палаткахъ. Мы долго ходили съ ней по всему лагерю, пообѣдали съ сестрами на воздухѣ подъ прекрасными деревьями, но тотчасъ послѣ обѣда спѣшили уѣхать на 4-й № къ нашему доктору Тарасову. У него теперь сестра Линская, которая прежде, съ самаго своего пріѣзда со 2-мъ отдѣленіемъ, была на Николаевской; очень хорошая и добросовѣстная сестра. На зиму она оставалась на Бельбекѣ и тамъ умерла.

Мы заѣхали къ доктору для того, чтобы взять у него катеръ доѣхать до Николаевской. Мы боялись, что Павловскую и ихъ воспитанницу не пропустятъ черезъ мостъ, такъ какъ въ это время женщинъ изъ Севастополя выпускали, но назадъ на Южную безъ пропускного билета не пускали. Разумѣется, это не касалось сестеръ. Мы славно проѣхали на шестивесельномъ катерѣ, ни одна бомба насъ не тревожила, только далеко отъ насъ упало одно ядро въ море.

Съ 24-го августа началась сильная бомбардировка бастіоновъ; въ городъ къ намъ не стрѣляли, а прежде—на площадь передъ нашими окнами, гдѣ расположенъ полкъ,—такъ часто попадали, что мнѣ полковникъ сказалъ, что у него тутъ выбыло 30-ть человѣкъ. Я сама видѣла, стоя на галереѣ, что когда летитъ бомба, солдаты со смѣхомъ разбѣгаются, точно играютъ въ мячикъ, а потомъ съ безразсуднымъ любопытствомъ сбѣгаются на нее, прежде чѣмъ она лопнетъ. Но, слава Богу, я не видала ни одного несчастья. Разъ, еще въ половинѣ августа, бомба упала на галерею около окошка перваго операціоннаго стола, пробила сводъ, прошла въ лавку и тамъ лопнула. Я за минуту до

этого ушла за водкой. Въ операціонномъ казематѣ только отбило штукатурку, разбило окно, рамы, и была страшная пыль. Мы отъ души благодарили Бога, что въ это время не было операціи, а то нельзя ручаться,—насъ всѣхъ поразило бы и разбросало, да и оперированному могъ быть причиненъ большой вредъ. Въ лавкѣ все было переломано: шкафы, прилавки разбиты въ щепки, и мальчикъ приказчикъ такъ былъ раненъ, что пришлось отнять стопу; но онъ, славу Богу, выздоровѣлъ. Тотчасъ послѣ этого, купцы стали укладывать все, что уцѣлѣло, и уѣхали; а тутъ начали рыть мины, чтобы взорвать Николаевскую батарею.

24-го и 25-го августа, раненыхъ съ бастіоновъ приносили очень много, до 1.000 человѣкъ въ день, и бывало на трехъ столахъ до 100 операцій. Съ этихъ дней уже не только дежурныя, а всѣ сестры—за дѣломъ; теперь было не до отдыха, и сестры оказались всѣ очень усердны и дѣятельны. Два вечера сряду, бухта и Севастополь были освѣщены горѣвшими въ бухтѣ кораблями. Первымъ сгорѣлъ самый большой транспортъ, на которомъ находились смола и сало,—онъ горѣлъ очень ярко; а на другой день сгорѣлъ фрегатъ „Коварный“. Живописно бѣгалъ огонь по снастямъ,—какъ будто это была иллюминація!!.. И такъ послѣдніе дни своего существованія Севастополь былъ ярко освѣщенъ горѣвшими кораблями, остатками нашего несчастнаго потопленнаго Черноморскаго флота!

Екатерина Бакунина.

